

РОМАН БУРЕВОЙ

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО



Роман Буревой

Тень Нерона

Серия «Сыщик», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154505

Аннотация

Острова Блаженных – райская планета. Великолепная природа, самые лучшие в галактике развлечения. Самое подходящее место для патриция, намеренного отдыхать активно и разнообразно. Но отдохнуть Марку не удастся, потому что тому, кто стал объектом внимания наемных убийц, уже не до развлечений. И приходится генетическому сыщику Корвину вместо приятного отдыха заняться своими прямыми обязанностями.

Содержание

Интермедия	4
Книга I	29
Глава 1	29
Глава 2	80
Глава 3	92
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Роман Буревой

Тень Нерона

Интермедия

– Что вы здесь делаете?

Он поднял голову и увидел в зеркале: на пороге стояла темноволосая девушка в белой блузке и шортах. В левой руке она держала объемистую пластиковую сумку, в правой сжимала кодовый ключ от двери.

Джиано отбросил в сторону пачку ярких туристических проспектов и обернулся.

Кто она, эта девушка с гордо посаженной головой и надменно изогнутым ртом? Не из прислуги отеля и не из охраны – это точно. Тогда подружка профессора?

– Зашел навестить знаменитого профессора Лучано, – сказал молодой человек, ничуть не смутившись.

Он был среднего роста, атлетически сложенный, загорелый; на первый взгляд – типичный сибарит, каких видимо-невидимо на Островах Блаженных, этой планете вечного отдыха и вечного лета.

Но девушка смотрела теперь не на него, а на цепочку алых клякс на полу, что тянулась к двери в ванной.

– Что вы здесь делаете? – повторила она вопрос, и на этот

раз голос ее дрогнул.

Джиано одним прыжком очутился рядом, схватил ее за руку, втащил внутрь номера и захлопнул дверь.

– Молчите, чтобы жить, – прошипел на ухо гостье и толкнул ее в кресло.

– Вы – знакомая профессора? – спросил Джиано, упираясь в ручки кресла и нависая над гостьей.

Она смотрела на его руки. Красные пятна. Есть у него на пальцах такие же алые пятна? Кажется, нет. Он успел вымыть руки.

– Лучано пригласил меня на Острова. Мы должны были обсудить... – она запнулась. – Но вы-то сами кто?

Он не ответил, сдернул с ее запястья комбраслет.

– Это на тот случай, если вы неосмотрительно решите включить сигнал тревоги.

Джиано отступил и уселся во второе кресло. С минуту они молчали, изучая друг друга. Она, несомненно, отличалась красотой. Но это была красота холодная и надменная. Его внешность была заурядной и необыкновенной одновременно. Светлые глаза, золотистые ресницы и брови, светлые, коротко стриженные волосы, – внешность, модная в этом сезоне. Но все черты – скулы, нос, подбородок, – казались неподвижными, жесткими, высеченными из камня. Могучие плечи, обтянутые дешевой светлой футболкой, были непропорционально широки даже для его тренированного тела, а руки – слишком длинны. Спору нет, когда он сидел, то вы-

глядел красавцем, но стоило ему подняться, и это впечатление пропадало.

– Где профессор Лучано? – спросила девушка. Ее оторопь внезапно прошла, голос сделался твердым, тон – требовательным.

Она глянула на незнакомца дерзко, с некоторой долей превосходства, как будто смотрела на загорелого атлета сверху вниз. Во взгляде темных глазах не было и намека на страх или растерянность, черные брови гневно изогнулись. Как будто на полу в двух шагах от нее не было цепочки алых клякс.

– Он мертв. – Говоря это, Джиано даже не понизил голос. И – уж тем более – не смутился. Добавил обстоятельно и буднично. – Тело – в ванной.

– Вы его убили?

Джиано пожал плечами, давая понять, что вопрос нелеп.

– За что?

– Он заслужил. – Опять же ответ прозвучал просто и буднично. Ни намека на желание оправдаться. Похоже, этот человек не сомневался в своем праве нести смерть.

– Отлично. – Гостья коротко рассмеялась. – Так вы – наемный убийца. А я... – тут она все же запнулась. – Свидетель?

– Угадали.

– Вы меня убьете? – спросила девушка с вызовом. Если она и боялась, то умело скрывала страх.

– Скорее всего. Но я еще подумаю. Просчитаю варианты. – В этих словах не было угрозы. Так мог бы рассуждать турагент, выбирая самый удобный и не слишком дорогой маршрут. – На Островах Блаженных вы не останетесь – это точно. Придется увезти вас на Неронию.

– Не советую принимать скоропалительных решений, – заявила девушка. – Я – патрицианка из рода Фабиев. Грация Фабия. Только попробуйте так поступить, и разразится мировой скандал, – она с удовольствием выделила слово “мировой”. На ее губах (нижняя чуть выдавалась вперед) мелькнула торжествующая улыбка. – Впрочем, если вы меня убьете, скандал будет не меньший.

– Патрицианка с Лация, позвольте узнать, что общего у вас с профессором Лучано? Вы – его любовница?

– Этого старикашки? Смеетесь? Я договорилась о консультации с профессором. Лучано – специалист по физике нуль-переходов.

– Был, – добавил киллер. – Но он дал вам ключ от номера.

– Профессор собирался уехать на целый день, просил оставить материалы. Обещал посмотреть.

– Так вы физик? Тоже профессор?

– Я только что закончила университет. Бакалавр. Моя специализация – физика нуль-порталов.

– Странное предложение, госпожа физик, не находите? – допытывался Джиано.

– В моих записках нет ничего секретного. Это кое-какие

обобщения по поводу работы кольца нуль-порталов. Ускорение Звездного экспресса. Только и всего.

– Я не имел в виду физику. Не показалось ли вам, милая Грация, что он дал вам ключ с определенной целью? К тому же, могу вас заверить, он никуда сегодня не уезжал. И не собирался.

– Профессор Лучано? – девушка искренне расхохоталась. – Но он был таким нелепым! – она оглядела комнату, как будто пыталась найти опровержение версии Джиано. – Ростом чуть-чуть выше этого стола и уже старый. Ему было почти семьдесят. А на вид даже больше.

– Вы его недооценивали, – заметил киллер.

– Хотите сказать, что он назначил мне свидание? – Грация удивилась вполне искренне. Кажется, ей и в голову не приходило, что Лучано собирается обсуждать что-то, кроме науки.

Киллер передернул плечами.

– Послушайте... Вы! – на щеках ее вспыхнул румянец, отчего она еще больше похорошела. – Я – Грация Фабия. Со мной такие штучки не проходят. Меня не приглашают в номер как местную шлюху.

Ее гнев не произвел на Джиано впечатления.

– Смею заметить вам, покойный профессор не снимал шлюх. Напротив, он обожал “чистеньких” девочек. А на титулы, имена и положение своих любовниц ему было плевать. Он мог бы трахнуть даже наследную принцессу Неронии, ес-

ли бы она постучала к нему в номер.

– Любой патриций равен императору! – гордо объявила Фабия. – Но вы, похоже, ничего не знаете о патрициях Лация.

– Слышал немного. Вы обладаете генетической памятью, то есть помните, что совершили ваши предки до вашего рождения во всех подробностях. Вряд ли это можно назвать особым преимуществом. По-моему, вы все немного чокнутые.

– Ваши познания весьма ограничены, – презрительно фыркнула Фабия.

– Моя память не безразмерна, как ваша.

Грации показалось, что он ее дразнит. Ну конечно! Усмешка тронула губы, и даже во взгляде появилось какое-то подобие улыбки. Черты лица на миг утратили резкость. Такое впечатление, что каменная статуя улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. Грации сделалось не по себе.

– Меня интересуют вещи, в первую очередь связанные с моей профессией, – продолжал Джаино. – Оружие, флайеры, космические корабли, яды... и так далее, – он дипломатично закончил список необходимых предметов.

– Так вы бравО, профессиональный убийца с Неронии, – заключила Грация, с любопытством разглядывая нового знакомого. – У вас на теле есть особый знак – кинжал и змеи. Голограммная татуировка. Как видите, я тоже кое-что о вас знаю.

– Неужели? Может быть, вы надеетесь, что я покажу вам

свой тайный символ? – он задал вопрос с глумливой ухмылкой.

– Не стоит, даже если вы делаете свои голотатушки ниже пояса. – Грация несколько не смутилась. – Скажите лучше, неужели вас не мучает совесть? Вы убили старика и к тому же – гениального ученого!

– Все его таланты не имеют значения, раз нашлись люди, готовые оплатить его смерть, – отрезал Джиано, и в его светлых глазах мелькнул гнев.

– Судьбу ученого так легко решить?

– Решалась судьба не ученого, а преступника. Этот человек изнасиловал двенадцатилетнюю девочку. Гильдия браво разрешила родственникам оплатить заказ.

Грация хотела что-то спросить, но лишь открыла рот, да так и застыла.

– Вам не показалось странным, что ученый с Неронии, специалист по нуль-переходами, переезжал с планеты на планету, нигде не работал, останавливался в затрапезных отелях и выбирал для жизни в основном полунезависимые колонии Лация? – с издевкой спросил браво. – Вы, надо полагать, хотели предложить ему сотрудничество и возможность работать на ваше правительство? Я правильно угадал? Вы – вроде посла. И в этой сумке – отнюдь не ваши научные статьи, а условия контракта.

– Вы не столь примитивны, как хотели бы казаться, – сказала она тихо.

— А я и не пытаюсь выглядеть примитивным. — Браво поднялся и вернулся к ящикам стола. Он что-то искал, и — скорее всего — не деньги или ценности. — Не советую вам пытаться бежать, — добавил он, не оборачиваясь. — Иначе мне придется вас убить. Вы не оставите мне выбора.

«Где он прячет оружие? — раздумывала тем временем Грация. — На поясе под футболкой? На щиколотке под брюками? Или он убивает голыми руками? Говорят, браво никогда не отпускает своих жертв. Интересно, а разрешение на ношение оружия у него есть?»

— Но если вы говорите правду, если этот человек виновен в тяжком преступлении, почему его не отдали под суд? — спросила она.

— Разбирать в суде дело об изнасиловании? Заставлять несчастную жертву рассказывать, как похотливый старик издевался над ней? — Джиано покачал головой. — О, нет, мы не настолько жестоки. Допрос под гипнозом подтвердил предварительные показания. Гильдия разрешила заключить контракт. Семья потерпевшей выкупила его жизнь. Зачем же нам суд и ухищрения адвокатов?

Похоже, он нашел то, что искал — черную с золотом пластинку, знак гражданина Неронии. Несколько мгновений он рассматривал ее на свет, потом спрятал в карман брюк.

— Родственникам жертвы позволят сжечь удостоверение гражданина, — объяснил Джиано, хотя Грация ни о чем не спрашивала, а лишь молча наблюдала за его действиями.

Он открыл бар, достал бутылку и стаканы.

– Хотите выпить? После выполнения контракта всегда стоит выпить за упокой души убитого. Иначе она будет преследовать исполнителя сорок дней.

Джиано наполнил бокалы до половины, один протянул Грации, второй взял сам.

Они выпили. Грация отметила, что вино было недурным. Но весьма крепким.

– Послушайте! – девушка не заметила, что у нее почти сразу стал заплетаться язык. – Послушайте, в ваших рассуждениях отсутствует логика. Хорошо, допустим, Лучано приговорили, и вы покарали его по законам своей планеты. Пускай! Это, в конце концов, меня не касается – обычаи, по которым живет Нерония. Но мою жизнь у вас никто не выкупал! Гильдия не давала добро на это убийство. Я вообще из другого мира, из иной исторической реконструкции, где существуют свои законы и обычаи. У нас есть суд, защитники и обвинители. Киллеры на Лации не в чести. Острова Блаженных – колония Лация, здесь действуют наши законы, – напомнила Грация неронейцу.

– Браво не должен оставлять свидетелей, – отрезал убийца. – Не спорю, это брак в моей работе, и мне придется за него ответить.

– Но почему же за ваши ошибки должна платить я? – Грация вдруг рассмеялась совсем не к месту. Видимо, на нее так подействовало вино. Только теперь она сообразила, что этим

вином Лучано собирался угощать ее, Грацию, при встрече...

Джиано наполнил свой бокал – в этот раз до краев – и выпил залпом.

– Мне тоже налейте, – потребовала Грация. – Не вздумайте прикончить бутылку в одиночку.

Джиано выполнил ее просьбу. Но девушка лишь пригубила вино. Браво не спускал с нее глаз. Оценивающий, “раздевающий” взгляд.

Она невольно сдвинула колени.

– Вы вторглись в чужой мир и совершили здесь убийство. Кажется, вы не до конца понимаете, что натворили. А если убьете меня – это будет катастрофа для Неронии.

– Милая моя Грация Фабия, если местные копы прикончат меня, это будет катастрофа для Лация. – Убийца подался вперед и положил ладонь ей на колено. – Нерония ценит нас не меньше, чем Лаций своих патрициев.

Его жест вызвал томящую тяжесть внизу живота.

“Неужели я готова вот так купить свою жизнь?” – мелькнула мысль. Безумная, но отнюдь не отвратительная.

– Как вас зовут? – спросила Грация, впрочем, не надеясь, что браво ответит.

– Называй меня Джиано.

– Добавляется какой-нибудь титул? Или просто браво Джиано? – Девушка сняла его руку со своего колена.

– Просто Джиано. Поедем со мной на Неронию. Там я гарантирую тебе жизнь.

– Нет. Патрицианка не может бросить Лаций. Ноша патрициев не позволяет. Будь я из плебейского рода... – Она замолчала, поймав себя на том, что говорит совершенно искренне, не лукавит и не находит ничего ужасного в возможности их союза.

“Джиано не убийца, он – член коллегии судей, которые сами приводят свой приговор в исполнение”, – поправила Грация себя мысленно, уже находя для этого человека с золотыми завитками волос над высоким лбом вполне приемлемые оправдания. Наверное, в этом было виновато вино покойного профессора.

– Положение безвыходное, – заметил Джиано. – Не находишь?

– Безвыходное, – патрицианка рассмеялась. – Пока каждый из нас будет стоять на своем.

– Значит, кто-то должен уступить, – сделал вывод браво.

– Или мы оба.

– Мы, – повторил Джиано. – Ты готова сказать о нас “мы”?

“Мы” – браво и патрицианка. В самом деле, звучит ужасно. Не может быть никакого “мы”. Было лишь минутное наваждение, головокружение от выпитого вина.

– Что готов предложить ты? – Грация пыталась говорить вежливо, без тени игривости. Но выбрать нужный тон не получалось.

– Будешь жить рядом со мной. Сделаешь лишний шаг – умрешь.

– Я дам слово, что буду молчать?

– Твои наследники вспомнят наш разговор.

Логично. Патриций не может обещать хранить тайну – это не в его власти.

– Есть выход, – сказала она. – Если мои дети родятся вне Лация, они не унаследуют генетическую память и ничего не запомнят. Моего слова в этом случае будет достаточно.

– Грация Фабия, – Джиано выговорил ее имя как обвинение, – в вашем роду не осталось мужчин. Ты не можешь позволить себе сбросить ношу патрициев. Ради того чтобы сдержать слово, данное наемному убийце, ты не поставишь под угрозу будущее своего рода.

– Лжец! – Грация разозлилась. – Ты притворялся невеждой! Оказывается, ты знаешь все!

Как-то само собой они перешли на «ты», она только теперь это заметила. Но говорить ему снова «вы» было бы еще большей нелепостью.

– Далеко не все, – уточнил Джиано. – Но и ты, пожалуй-ста, не ври. Тебе было известно, что Лучано совершил преступление и потому не может вернуться на Неронию. Без зазрения совести ты, моя благородная Грация, вела переговоры с этим подонком.

– Но я даже не догадывалась, что он сделал. Клянусь звездой Фидес!

– Зато теперь известно.

– Неужели так важно, если мои дети спустя много лет

узнают, кто именно привел в исполнение приговор над Лучано?

– Они узнают, какую мерзость совершил профессор. Браво не просто убивает, он стирает следы преступления. Мир становится чище.

– Разве моя вина карается смертью?

– Возможно, и нет, – согласился браво. – Ну что ж, подумай, как облегчить свою участь.

– У меня есть смягчающие обстоятельства. – И добавила, стараясь подчеркнуть каждое слово. – Моя красота. И молодость.

– Это подкуп. – Джиано шагнул к ней, взял за локоть и заставил подняться.

– А ты не берешь взятки?

– Только заказы. От граждан Неронии. Ты не можешь меня нанять, даже если бы захотела.

Джиано улыбнулся. Несколько секунд молчал. Потом тряхнул головой и рассмеялся. Девушка ему нравилась – с каждой минутой все больше и больше.

– Грация, умница ты моя, нам пора убираться отсюда. Где ты остановилась? В каком отеле?

– В “Колизее”. Номер люкс. Стоит огромных денег. – Грация кокетливо улыбнулась. Она уже не боялась этого человека. Он не убьет ее. Может быть, даже наоборот – она убьет браво.

К ее услугам – весь набор ухищрений предков. И уж будь-

те покойны, Фабии умели устранять своих противников с помощью очень тонких интриг. Или превращать их в союзников. Если, конечно, не учитывать неудачную попытку ее старшего брата прикончить Лери, сестру нынешнего сенатора Корвина.

– Грация Фабия может пригласить к себе в гости знакомого? Симпатичного молодого человека? – поинтересовался Джиано.

– Думаю, может. Если он будет вести себя скромно.

– Я буду сама скромность. Но не отпущу тебя ни на шаг. – Рука браво лежала у девушки на талии, Джиано все сильнее прижимал Грацию к себе. – Иначе ты попробуешь либо убежать, либо убить меня. Не советую делать ни того, ни другого.

– Читаешь мои мысли?

– Люди, когда им грозит смертельная опасность, мыслят примерно одинаково.

“Но не патриции Лация”, – про себя уточнила девушка.

* * *

Они вышли из номера в обнимку. Как пара влюбленных. Перед уходом Джиано уничтожил все отпечатки, все следы их пребывания в комнате убитого. Ближайшие камеры слежения были отключены еще раньше.

– Ты прилетела в отель на флайере? – спросил Джиано,

когда они миновали холл маленького отеля, где за стойкой дремал немолодой портье.

– А ты умеешь им управлять?

– Попробую, может быть, получится. – Он сдал руку Грации повыше локтя. – Язычок у тебя змеиный. А тело...

– Оно не для тебя.

– Вражда Неронии и Лация? Неужели мы ее возобновим? – в его светлых глазах прыгали дьявольские искорки.

– Ни вражды, ни любви. Никаких эмоций, – заявила Грация.

– Так пресно? Никогда не поверю.

Они вышли из холла.

– Если тебя кто-нибудь вызовет по комбраслету, скажи, что познакомилась с парнем и весело проводишь время, – посоветовал Джиано.

– Ты отобрал у меня комбраслет. Уже забыл?

– Позволю тебе немного поболтать, если будешь пайнкой.

– Я могу встретить кого-нибудь из знакомых на Островах. Как тебя представить? Джиано? Это имя нера. Подобное знакомство для патрицианки Лация неуместно.

– Лучше скажи, что меня зовут Джо, и я – уроженец колоний, – решил браво. – Подойдет?

– Вполне. Ты похож на вышибалу из ночного клуба. Вышибала Джо. Звучит. Тебе нравится?

– А тебе?

– Ну, если мои друзья поверят, что я могу невинно флиртовать с подобным человеком, то и мне подойдет.

– Невинно флиртовать, – передразнил Джиано, поднимая флайер в ярко-синее небо планеты вечного отдыха. – Скажи, что я работаю охранником в казино. Игра, рулетка, риск. Жизнь, которая зависит от одного удачного движения – это больше соответствует моей профессии. А что, флирт точно должен быть только невинный?

– Разумеется. Самый невинный. – Она откинулась на пассажирское сиденье и прикрыла глаза.

Грация выиграла несколько часов жизни, но пока еще не саму жизнь.

* * *

В просторном холле “Колизея” высилась мраморная статуя Августа – точная копия той, что сохранилась на Старой Земле, только в два раза выше. Огромный Август протягивал над входящими изящную каменную руку и улыбался холодной улыбкой искушенного интригана.

– Ваш идеал красоты, – кивнул Джиано на беломраморного Августа.

– Так видятся наши идеалы, если смотреть из колоний, – уточнила Грация.

Ей меньше всего сейчас хотелось говорить на серьезные темы, обсуждать особенности реконструкции истории и пре-

имущества выбранной модели. Однако нельзя и недооценивать особенности фальшивого прошлого их планет.

Нерония считает свой мир реконструкцией эпохи Возрождения. Этой планетой управляют аристократы, чьими идеалами всегда были свобода и индивидуализм. Собственное “я” – вот божество Неронии, на алтарь которому можно принести все, в том числе и чужие жизни. Исключительность – их девиз. Никакой нивелировки, законы писаны для тех, кто готов признать свою ничтожность. Но каждый, кто считает себя личностью – над законом. Неутолимая жажда возвыситься над другими – цель каждого неронейца.

На Лации, наоборот, чтит законы, но наличие избранных, обладавших генетической памятью, постоянно держало этот мир на грани раскола. Грации как патрицианке был свойственен особый цинизм, этот яд, отравляющий сознание с самого рождения. Среди патрициев не принято культивировать романтические отношения. И стоит признать, что Фабии всегда смотрели на жизнь практично. Трезвый взгляд на вещи, никаких самообольщений и мечтаний о любви до гроба. Каждый Фабий четко сознавал, что можно получить, а чего нельзя. Но необузданные страсти порой подводили их в самый ненужный момент.

Как будут, столкнувшись, вести два человека, вылепленные столь различными системами?

Грация и с ней браво поднялись на галерею третьего уровня. Шикарный номер состоял из четырех комнат: гостиной, кабинета, столовой и спальни. Огромная ванная комната скорее походила на небольшой бассейн. Джиано обошел номер, проверил окна (заодно и балкон), вынул инфокапсулы из электронных зеркал и на всякий случай перевел окна в непрозрачный режим.

– Недурно, – он бросил свою сумку на пол в гостиной. – Закажи обед в номер, а то я страшно проголодался. Да и ты, наверное, тоже. Я бы не отказался от лазаньи. Здесь можно заказать лазанью? Или фаршированные баклажаны?

Грация вызвала голограмму меню. Протянула браво световое перо:

– Выбирай. Что касается меня, что я обожаю креветки.

– Может быть, мидии?

– Что ты намерен делать дальше? Сидеть здесь безвылазно и есть мидии? – съязвила Грация.

– Перекусить, отдохнуть, прежде всего, – Джиано на миг задумался. – Вечером отправимся веселиться. Как ты смотришь на то, чтобы посетить Пирамиду?

– Саркофаги, мумии и поезд Анубиса. – Грация пожала плечами. – Мрачноватое веселье. Но очень подходит для профессионального киллера.

– И для патрицианки с Лация, чьи предки познали вкус крови и смерти. Хочешь принять ванну?

– Не против. Но ты, надеюсь, не собираешься подглядывать. – Грация достала из шкафа халат и полотенце.

– Придется. Я должен за тобой наблюдать. Хотя бы изда- лека.

– Не буду закрывать дверь в ванную комнату, – предложила Грация. – Но ты останешься в спальне.

– Не хочешь заняться любовью?

– Мы говорим: предаваться Венериным удовольствиям. И я отвечаю – нет.

Грация отправилась в ванную. Браво пошел за ней. Она раздевалась – он смотрел. Она вела себя равнодушно. Как будто он был массажистом или банщиком. Но никак не поклонником. Ни тени кокетства. Так мраморная статуя могла бы сбрасывать одежду. Но неронейца, жаждущего всегда и во всем одерживать победы, холодность должна была только разозлить и распалить. Грация это очень хорошо понимала.

Она погрузилась в воду. Густая пена скрыла очертания тела. Ванна формой походила на огромную раковину.

– Наш император купил на Старой Земле у галереи Уффици подлинник Сандро Боттичелли “Рождение Венеры”, – сказал Джиано, обходя ванную комнату по кругу. – Вот истинный художник нашего мира. Там нет никакой дали, ни намек на перспективу и глубину. Плоский ковер, изящество линий, и золотой век навсегда. Поедем со мной на Неронию,

и ты увидишь подлинник Боттичелли, моя Венера.

– Мне больше нравится Примавера,¹ – отвечала Грация.

– Примавера пока на Старой Земле, – заверил ее Джиано.

– Неужели Нерония не сумела до конца разграбить несчастную Флоренцию? Почему бы вам не разобрать и не перевезти к себе Санта Мария дель Фьоре?²

– Это слишком дорого. Мы выстроили у себя точную копию.

– И дворец Синьории?

– А как же! Вы же соорудили у себя форум, Капитолийский храм и Большой цирк?

– О да, наши реконструкции истории очень похожи! – сказала Фабия.

– Наконец-то лацийцы это заметили. У вас патриции, у нас – браво.

– Патриции – не убийцы, – возразила Фабия.

– Сенат судит. Мы – тоже. В чем разница?

– Мы отправляем в изгнание, а не казним, – заметила Грация.

– Неизвестно, что страшнее.

– Вы не милуете никого.

– Браво не бывают милосердны, – сказал Джиано сказал с грустью в голосе. – Даже когда мы этого хотим.

¹ Примавера (Primavera) – “Весна”, другая знаменитая картина Сандро Боттичелли, так же находящаяся в галереи Уффици.

² Санта Мария дель Фьоре – главный собор Флоренции.



Грация проснулась внезапно, как от толчка. Переведенные в непрозрачный режим окна не пропускали света, и понять, который час, было невозможно. Как и вспомнить, сколько дней прошло с того утра, когда Грация столкнулась в номере профессора Лучано со зловещим посланцем Нерони. Четыре дня? Пять? Может, больше? Она сбилась со счета. Вдвоем они бывали на улицах, на пляже, в барах и кафе, в Пирамиде и казино “Париж”. Нигде Джиано не приковывал ее к себе цепью, не держал за руку, нередко оставлял одну, но всякий раз она не могла – в этом было что-то загадочное, необъяснимое, мистическое, хотя Грация никогда не увлекалась мистикой, – не то, что сбежать, но даже позвать на помощь. Джиано полностью подчинил ее волю, но при этом позволял девушке насмешничать, говорить колкости, в общем, дерзить, хотя на самом деле она была сама покорность. Не просто укрощенная львица, а львица в ошейнике.

Как так получилось? Как? – Грация недоумевала.

Она включила ночник и долго рассматривала спящего Джиано. Во сне его лицо утрачивало суровость. В царстве Морфея он был просто ее любимым Джи, а не зловещим наемным убийцей. Когда Джи спал, Грация любила его.

Любила? О, нет! Он поработил ее, патрицианку, и полностью подчинил! Никому никогда Грация такое не простит!

За одно это она может возненавидеть Джиано. И убить. Если бы у нее был бластер! Она бы выстрелила любовнику в сердце. Проклятое сердце убийцы.

– О чем ты думаешь? – спросил браво, не открывая глаз, и улыбнулся. – О нашем будущем?

– У нас нет будущего! – отрезала Грация и встала.

Перевела окна в прозрачный режим, яркий свет хлынул в комнату.

– У нас нет будущего, – повторила она, стоя в потоке света и зная, что выглядит сейчас божественно. – Только настоящее. И весь вопрос в том, как долго мы будем за него цепляться.

– А мой план? – Джиано сел на кровати. – Чем он плох, дорогая?

– Он не подходит.

– Почему? Я же объяснил тебе: то, что мы задумали, сложно исполнить, но поверь, я смогу. Я и ты...

– Нет! – отрезала патрицианка. – Все отменяется.

Джиано не ответил, вскочил и стал одеваться.

– Куда ты? – обернулась к нему Грация.

– Не все ли равно?

Она не знала, злится он или нет. Просто в такие минуты браво становился похожим на камень.

– Не все равно! – передразнила Грация. – Не все равно, поверь! Ты запрешь меня в номере, заблокируешь балкон и отправишься по своим делам на весь день. Чем ты занима-

ешься, когда уходишь?

– У меня много дел, – пожал плечами Джиано.

– Убиваешь?

– Может быть. Не волнуйся, дорогая, я скоро вернусь, и мы пообедаем вместе.

Он ушел.

“Я должна убить его, – решила Грация. – Должна. Иначе возненавижу себя. Такие как я не могут подчиняться. Никому!”

Она выпила стакан фалерна и направилась в ванную. Долго лежала в теплой ароматизированной воде и чувствовала себя несчастной. Надо было вырваться уже в первый день, в первые часы, рискнуть! Вместо этого Грация повела себя как жалкая рабыня. Она – наследница рода Фабиев! Как она себя ненавидела. И одновременно сознавала, что память о своем унижительном подчинении не может оставить в наследство патрициям. Ни женщине, ни мужчине. Никому.

“Тебе прямой путь в плебеи, дорогая. Даже если ты убьешь его, уже ничего не изменится”, – сказал голос предков, подсказкам которого она так долго следовала.

– Я убью его, и это будет моим искуплением, – прошептала Фабия.

Он околдовал ее, зачаровал, загипнотизировал, как удав кролика. Грация слышала, про эту особенность браво – прежде чем убить, они полностью подчиняют волю жертвы. Иногда они предаются с жертвами самым необузданным

Венериным наслаждениям. Предстоящее убийство их возбуждает. Фабию уже не волновало, насколько правдивы подобные рассказы, – это попросту было неважно сейчас. Она должна возненавидеть Джиано, собрать в кулак остатки мужества, убить его и бежать.

Она не слышала, как открылась входная дверь номера. Но внезапно почувствовала – в гостиной кто-то есть. Джиано вернулся? Он всегда двигался бесшумно.

Сейчас или никогда!

Грация выбралась из ванной. Не вытираясь, накинула на мокрое тело халат, из шкафчика в углу достала бутыл шампуня и принялась встряхивать. Когда Грация подойдет вплотную к браво, то нажмет на крышку бутылки, струя мыльной пены ударит проклятому в лицо. Это позволит выиграть секунду. В следующий миг – нанесет сомкнутыми пальцами удар в горло, как будто бы разит копьем. Этот прием несколько раз применял в рукопашных схватках ее дед. Она сможет ударить!

Браво все же недооценил Грацию. Спору нет, ей самой не доводилось еще никого убивать. Но память о том, как это делали отец и дед, смирjala бешеное биение сердца.

“Если смогу его убить, я свободна”, – твердила про себя Грация.

Она еще раз встряхнула флакон с шампунем и толкнула дверь. В спальне никого не было. На цыпочках миновала комнату, приоткрыла дверь в гостиную. Сможет она сделать

все, как задумала? Сможет или нет?

Джиано стоял к ней в пол-оборота. На плече, на белоснежной рубашке вокруг черной дыры расплывалось алое пятно. В левой руке он сжимал новенький ручной бластер «Борджиа», лучший легкий бластер последнего десятилетия. Где же он все-таки его прятал? Под брюками? За прошедшие пять дней Грация не видела у него оружия.

– Не стоит мне мылить голову, – сказал Джиано, даже не скосив в ее сторону глаз. – Я вижу – ты решила немного подраться. Но я не буду рисковать. Выстрелю первым. Я не промахиваюсь в отличие от подобных придурков.

Он пнул лежащее на полу неподвижное тело. Громоздкое, неуклюже с нелепо повернутой шеей.

– Кто это? – спросила Грация. Зубы неожиданно выбили громкую дробь. Она затряслась, будто на нее, еще мокрую, только-только из теплой ванной, пахнуло ледяным ветром.

– Не знаю. Я этого парня не приглашал, и ключ от номера не давал.

Девушка приблизилась, заглянула в лицо лежащему, в его раскрытые неподвижные глаза.

– Ты заметил? Он... Нет, этого не может быть! – только и выдохнула она.

Книга I

Острова Блаженных

Глава 1

Чудесный отдых

– Приветствую вас на Островах Блаженных! – смуглый портье улыбнулся широченной улыбкой во все тридцать два белоснежных зуба. – Вы в первый раз у нас, доминус?

– В первый, – подтвердил Марк Валерий Корвин, оглядывая просторный холл отеля, в этот ранний час еще пустынный.

Стеклянные двери выводили на террасу. Очень высокие, непропорционально тоненькие пальмы с шапками ажурной листвы на недостижимых макушках расчерчивали чистое, без единого облачка небо на равные секции.

– Прошу обратить внимание на карту зоны отдыха нашей замечательной планеты. – Портье указал на голографическую карту у дальней стены. – В центре – наша знаменитая Пирамида. Вы наверняка о ней уже слышали. Точная копия пирамиды Хеопса. Взгляните поближе, доминус.

Корвин послушно двинулся к карте, не отрывая взгляда от белого айсберга «Пирамиды». Об этом аттракционе ему

говорил префект Главк, и Друз прожужжал о ней все уши. Очередное чудо появилось на планете лет пятнадцать назад, так что генетическая память патриция Марка Валерия Корвина ничего не могла ему подсказать. Впрочем, на Островах Блаженных его отец провел лишь два дня, остальные предки патриция вообще здесь не бывали. Все или почти все на этой райской планете было юноше внове.

По мере того как Марк приближался к карте, изображение Пирамиды росло и становилось более детальным. Корвин уже мог разглядеть бесчисленные прямоугольные панели, огромные двери у основания на наклонных гранях, но то, что было внутри, оставалось тайной – наружу бил белый ослепительный свет и не давал разглядеть, что же происходит внутри.

– Но ведь в Пирамиду отправляются вечером. Так? – Корвин спешно вернулся к стойке и взял пластиковый ключ от заказанного номера.

– Есть любители, что забираются туда еще утром. Один парень провел там целый год безвылазно. Если бы вы были патрицием, доминус, я бы вам посоветовал не ходить в Пирамиду одному. Но вы не уроженец Лация, так ведь?

– Не уроженец Лация?! – Корвин окинул улыбчивого портье презрительным взглядом. – С чего ты взял?

В этот миг юный патриций пожалел, что на нем пестрая блуза и шорты, а не положенный по рангу белый мундир с широкой пурпурной полосой на груди.

– Ваш акцент, доминус. Он, правда, едва заметен, но все равно – я постоянно слышу различную речь и точно знаю – на Лации так не говорят. Уж тем более патриции. Я угадал? Вы колонист с Психеи или Лация – два! Да? Но хотите это почему-то скрыть.

– Почти, – процедил Марк сквозь зубы.

Со времени своего бегства с Колесницы Фаэтона Корвин не сталкивался с подобной фамильярностью. Случалось, плебеи дерзили или даже открыто выражали неприязнь. Ненавидели – тоже бывало. Но чтобы слуга вел с патрицием себя запанибрата, – с подобным он сталкивался впервые.

– Вам нужен проводник? – спросил портье.

– Проводник? – Марк торопился отвязаться от навязчивого служителя туристического бизнеса и уже поднял с пола сумку с вещами. От услуг робота-носильщика Корвин отказался еще на космодроме.

– Я имею в виду – гид. Гостиница предоставляет гида бесплатно. Это входит в перечень услуг. Кого вы предпочитаете? Женщину? Мужчину? Какого возраста?

– Молодую женщину, – новый постоялец направился к прозрачной кабине лифта.

– Ждите через час. Только учтите, господин, ничего такого! Для этого у нас другие девочки!

Настроение было безнадежно испорчено. Юноша злился, понимая, что злиться глупо. Понятно, почему этот парень

отказался признавать его за аристократа из метрополии. Патрициев Лация всегда отличала идеально правильная речь: они начинали говорить раньше других детей, и генетическая память предков помогала четко произносить слова и ставить нужные ударения. Никакой невнятицы, проглоченных окончаний, потерянных согласных и искаженных гласных. Малыш Марк начал говорить в полтора года, правда, как будто с чужого голоса. Но двенадцать лет, проведенные в рабстве на Колеснице Фаэтона, навсегда изуродовали его речь. Как ни бился все последние месяцы Корвин, вытравить проклятый акцент до конца не сумел. К тому же невысокий рост обращал на себя внимание – редко кто из патрициев бывает ниже ста девяноста сантиметров. А Марк и до ста восьмидесяти не дотянул. И вот теперь дурак портье напомнил про обидные дефекты.

– Дурак! – выругался Корвин вслух, открывая дверь в свой номер. Злость и обида не проходили.

Он оглядел номер, и раздражение лишь возросло. Комната слишком просторная для одного, слишком ярко освещенная утренним солнцем, мебель вычурная, но при этом видно, что дешевая – пластик и имитация под кожу. Да, все здесь чрезмерно, вычурно и фальшиво. Оставалось надеяться, что хотя бы Океан настоящий.

Марк бросил вещи прямо на пол, скинул блузу и направился в ванную. Но сделал всего пару шагов, когда в дверь постучали.

Что это? Неужели гид такбыстро пожаловал?

“Надеюсь, гостья менее противная, чем этот чертов порть”, – юноша распахнул дверь.

На пороге стояла девушка лет двадцати в блузе и брючках цвета морской волны, смуглая, черноволосая, чем-то похожая на Эбби. Может быть, щеки у нее были еще чуть-чуть детские, может быть, губы улыбались так же, но только память об Эбби вспыхнула, перекрывая все воспоминания о чужих любовях генетической памяти.

Эбби, которая осталась на Колеснице. Эбби, его первая страсть, чье тело приходилось делить с другими. Милая, увидимся ли? Вопрос звучал риторически. На Колесницу бывшему рабу путь заказан.

“А вот глаза у нее совершенно другие”, – отметил Марк.

Удивительные глаза – серые или даже серо-зеленые, с темной обводкой, они, казалось, светились изнутри. Смуглая кожа и черные ресницы только подчеркивали их блеск. Бывают такие глаза от природы? Или это столь модная ныне коррекция радужки?

Он мог бы смотреть в эти глаза долгие часы и не насмотрелся бы, – вдруг мелькнула мысль.

– Привет, постоялец! – воскликнула девушка весело. – Куда мы хотим отправиться?

– В Пирамиду.

– Уже? С утра пораньше? – Она отрицательно тряхнула головой. – Не пойдет. Пирамида – только вечером. Сейчас

там скучно, могу тебя заверить, как в самой обычной гробнице. Портье сказал, что ты – патриций с Лация. А я ответила: “Не может быть!”

– Почему не может быть? – Корвин немного обалдел от дерзости местного персонала. Девушка вела себя так, как будто была его давней подружкой. Впрочем, в отличие от портье, она его не раздражала. Ему даже показалось, что она немного боится и потому ведет себя так вызывающе. Может быть, Марк – ее первый клиент, которого она должна вести по бурным волнам развлечений?

“Орк! Пожалуйста, без вульгарностей. Эта странная планета так на меня действует, – подумал юный патриций. – Скоро я не смогу отличить фальшь и вульгарность от истинной красоты”.

– Потому что патриции с Лация не останавливаются в нашей “Жемчужине”, а непременно выбирают “Колизей”, – продолжала тем временем девушка. – Любители экзотики заказывают номер в “Палаццо Венеция”. Жемчужина – уют плебеев и колонистов. Но ты не думай, я не имею ничего против плебеев и колонистов. Если не будешь брюзжать, приставать, а чаевые дашь сносные, мы с тобой поладим. Так куда мы идем сегодня утром? Хочешь посетить “Палаццо Венеция”? Покататься на гондоле? Если ты патриций, у тебя хватит кредов, чтобы покататься на гондоле.

– Пойдем в аквапарк, – решил Корвин. Он, в самом деле, еще не придумал для себя программу отдыха. Только решил,

что должен побывать в аквапарке. Просто потому, что его отец был в аквапарке, и теперь юноша наяву хотел испробовать, что это такое.

– Пожалуйста. Обожаю аквапарк. Когда за тобой зайти?

– Через два часа. – Он запнулся, но тут же осмелел. – Или, может, позавтракаем вместе?

– Сегодня – нет. Я должна составить карту для тебя и смету. Работа – в первую очередь, завтрак – потом. Иначе завтракать будет нечем – в прямом смысле слова. А вот обедом можешь меня угостить.

– Как тебя зовут?

– Верджи. А ты – Корвин?

– Марк Валерий Корвин, – представился он полным именем, однако не стал уточнять, что он – следователь по особо важным делам.

Впрочем, если его гид хоть немного в курсе лацийских дел – она и так должна знать, кто он такой. Но, услышав его имя, Верджи не выразила никаких эмоций.

– Тогда встретимся через два часа. – Девушка постучала пальчиком по его груди. – И не забудь, Марк Валерий Корвин, что я только гид, а девочки на ночь – это из Мулен Руж!

* * *

– Я говорю, мне это удалось! – фраза, сказанная за соседним столиком слишком громко, заставила Марка очнуться

от раздумий. – Векторы надо брать только у Тимми. У него – самые хорошие! Понял?! А?!

Корвин не подал виду, что разговор его заинтересовал. Он продолжал отправлять в рот одну за другой ложечки с мороженым из прозрачной вазочки и делал вид, что до троих парней за соседним столиком, уставленным бутылками и пустыми тарелками, ему дела нет.

– Ерунда. Все это жалкие подделки, хоть у Тимми бери, хоть у кого другого, – возразил второй парень. Этот если судить по хриплому, простуженному голосу и обветренной коже, вряд ли он родился и вырос на Лации. Скорее, он с какой-нибудь суровой колонии – с Психеи или даже Петры.

– А я говорю, что очутился на берегу. Захлебываясь в пене прибоя, – опять повысил голос первый – парень лет тридцати, загорелый и светловолосый. Лицо – смутно-знакомое. Однако Марк был уверен, что лично он с этим человеком никогда прежде не встречался.

– А если бы тебя зашвырнуло в открытый Океан? Или в кратер вулкана? – насмешливо спросил хрипатый.

О чем они говорят? Пока не удавалось ухватить суть разговора.

– Сегодня снова пойду в Пирамиду и все проверю! – опять на весь зал объявил блондин.

– Тише, – шикнул третий парень, прежде молчавший. – Все это плохо пахнет, уверяю вас. Это не нулевки. Обман. Имитация. Гипноз. Уж не знаю что. Только психи пользуют-

ся векторами.

Ого! Неужели на Лации и его колониях есть тайны, недоступные префекту по особо важным делам Корвину? Следовательно, который знает во всех деталях подробности громких преступлений за последние несколько сотен лет? Или в Пирамиде нет ничего преступного? Тайна без преступления? Разве бывает такое?

Юношу разбирало любопытство.

– Я найду проводника, – объявил человек, который вчера так странно веселился в Пирамиде. – Есть такие, кто умеет рассчитывать вплоть до нескольких метров. Я найду.

– Ты обещаешь это уже третий день, Минни, – загоготал обладатель хриплого голоса. – Но дело в том, что здешние проводники – не идиоты. Никто из них не захочет сесть с тобой на вектор. Так это, кажется, у них называется?

“Минни”. Это имя или, вернее, прозвище, тут же вызвало в памяти Корвина яркую картину.

Желтовато-серая степь, редкие кустики серой мертвой травы и медленно бредущие сгорбленные фигуры. Изорванная в клочья одежда, пропитанные потом повязки на головах. С лиц и рук струпьями сползает обгорелая кожа. У двоих или троих висят тощие котомки за плечами, у остальных при себе только фляги с водой. Вездеход, в котором сидит Марк и с ним еще двое – сержант и рядовой, нагоняет идущих. Разумеется, в джипе не Марк лично, а его дед, префект по особо важным делам (юный Корвин уже давно научился

различать, чьи воспоминания всплывают внезапно в его мозгу).

– Останови, – приказывает префект сержанту за рулем. Вездеход замирает.

– Минни! – окликает Корвин бредущего впереди худого, одетого в лохмотья человека.

Тот не оборачивается, напротив, ускоряет шаг, напрасно пытаясь затеряться среди двух десятков путников. Ноги плохо его держат, он постоянно спотыкается, “загребает” ботинками песок.

– Минуций Руф! Вы арестованы! – выкрикивает префект.

Человек в лохмотьях бросается вперед, но тут же спотыкается и падает. Хочет подняться, но не может, снова оседает на песок. Префект выпрыгивает из вездехода и направляется к Минни. Тот не двигается, продолжая лежать в нелепой позе – одна рука зарылась в грязные лохмотья, вторая откинута в сторону, пальцы скребут серые ломкие стебельки умершей травы.

– Минуций Руф!

Беглец медленно переворачивается на спину. В живот префекту смотрит черный ствол бластера.

– Глупо, – пожимает плечами служитель закона. – Если пошевелишься, мой сержант разнесет тебе голову.

– Я убью тебя прежде. Пес, вечно идущий по следу, ты сдохнешь и не оставишь потомства. А мне все равно смерть.

– Тебя ждет трибунал. И – скорее всего – направление на

космическую базу. Это шанс остаться в живых, Минни. Поверь, я – твой друг, и не желаю тебе зла.

– Я же сказал, смерть. – Окиданные болячками губы Минни пытаются изобразить улыбку. Руку с бластером он опускает, но не делает даже попытки подняться, продолжает лежать на песке. – Почему ты никогда не чувствуешь себя убийцей, Корвин?

– Я всего лишь следователь. А ты – дезертир.

Другие путники не обращают внимания на их перебранку. Они бредут, как автоматы, торопясь перевалить за гребень холма. Через несколько минут они скроются из виду.

– Я не дезертир, – хрипит Минни. – Я не покидал базу, клянусь Лацием. Меня оттуда просто выбросило. Ты слышал о катапультах? Я решил их опробовать, и меня унесло не туда.

– Ты все расскажешь судьям трибунала. Отдай мне оружие. – Префект протягивает руку.

– Не-ет... – Лицо Минни искажается, рот кривится.

– Послушай...

Беглец вновь вскидывает руку с бластером. Но нажать на кнопку разрядника ему не успеть – голова лопается, брызжет красным, на префекта летят ошметки мозга и клочья кожи, – сержант пользуется старым проверенным стрелковым оружием. Несколько секунд Марк стоит неподвижно, потом пытается стереть с лица брызги. Наклоняется, вынимает из пальцев убитого бластер. Батарея на нуле. Минни не мог за-

стрелить из этой штуковины даже воробья. Можно было его не убивать.

* * *

Всплывшая в памяти картинка исчезла. Интересно, если бы кто-то назвал по имени Корвина, какая бы сцена вспыхнула в памяти нынешнего патриция Минуция Руфа? Сидящий сейчас за столиком Минни никак не мог помнить смерть деда: зачатие всегда предшествует смерти. Но помнит – памятью отца-патриция – презрение окружающих и молчаливый бойкот, долгие годы обструкции, проклятие семьи, клеймо дезертира, унаследованное внуком. Позор патриция – вечный позор, его можно смыть только кровью.

Марк поднялся и неспешно вышел из залы. Ему очень не хотелось, чтобы кто-нибудь в этот момент назвал его по имени.

“Только не оборачивайся! Ради всех звезд Галактики – не оборачивайся”, – твердил он сам себе.

И не обернулся. Только увидел в большом зеркале, висящем у входа, как Минуций Руф сверлит взглядом ему спину. Неужели узнал?

“Помни Марк, на Лации у тебя очень много врагов”, – наставлял его сразу после возвращения с Колесницы Фаэтона военный трибун Флакк.

И оказался прав. Впрочем, в данном случае трудно оши-

биться.

* * *

Служитель Пирамиды – эбеново-черный, в золотом платке и в золотой юбке, встречал посетителей у входа. Он был точным подобием “Ка” из гробницы Тутанхамона, извлеченного из мира смерти для псевдо-жизни в музейных залах. Здесь это подобие подобия служило псевдо-смерти. Впрочем, на Островах Блаженных почти что все подделка. Только океан настоящий.

– Пирамида закрыта, – объявил охранник, заслоняя Марку широкой грудью проход.

– Мне сказали, что аттракцион работает круглые сутки.

– Обычно так и есть. – Охранник-Ка стоял скалой. – У нас не бывает выходных. Но сегодня – технический перерыв, к сожалению. Мы закрыты до самого вечера. Приходите после заката, уже будет открыто. Сегодня и каждый вечер – поезд Анубиса.

– На тот свет?

– Суд Осириса и взвешивание сердца, – пообещал охранник. – Хотите взвесить свое сердце?

– А если оно отягчено грехами? Его сожрут?

– Это – самые незабываемые мгновения, когда божественный палач Амамат, пожиратель теней с головой крокодила, лишает человеческую сущность элемента «ба», – отбараба-

нил заученную фразу охранник.

Марк поднял голову и оглядел белый айсберг Пирамиды. Панели на стенах-гранях были по-прежнему белыми, но не источали света. Матовое белое стекло. Сотни, тысячи мутных белым.

Корвин перевел взгляд ниже – на черные массивные закрытые двери.

– Открыто “Палаццо Венеция”. Не хотите заглянуть туда? Внутри – Большой канал, можно покататься на настоящей гондоле.

Ну надо же! Работник Пирамиды расхваливает конкурентов. Что такое должно здесь случиться, чтобы служители Пирамиды стали советовать заглянуть в “Палаццо Венеция”?

– Ну что ж, значит, не судьба. Зайду к вам вечером, – пообещал патриций.

* * *

До назначенной встречи в аквапарке оставался еще час, и Корвин заглянул – именно заглянул – в “Палаццо Венеция”.

Снаружи в этом Палаццо было мало венецианского. Огромное здание, на фасаде которого чередовался светло-коричневый пластик с синим, отражающим небо, стеклом, напоминало громадный торговый центр или офис концерна. О том, что внутри посетителя ждет встреча с Венецией, говорила лишь вертикальная надпись на фасаде.

Но стоило пройти стеклянные двери, и посетитель попал в Венецию. У входа гостя встречал двуцветный гид: одна половина лица была светлой, другая – смуглой. Гид носил красный камзол с многочисленными прорезями и двуцветное трико: одна штанина зеленая в черную полосу, вторая – телесного цвета. Остроносые башмаки с загнутыми носами были ярко-зелеными.

– Третий уровень номеров для гостей с Лация – самый комфортный, – улыбнулся гид, видя, что гость в замешательстве. – Рекомендую.

Улыбка его была тоже двуцветной. Половина зубов – ослепительно белая, половина блистала небесной синевой.

За спиной двуцветного гида открывалась площадь Святого Марка – такая, какой Корвин помнил по голограммам. Дворец дожей, воссозданный в натуральную величину – с витыми пестрыми колоннами и четырехлепестковыми розетками. И над этим псевдо-средневековым дворцом – ярко-синее небо. Не сразу догадаешься, что это всего лишь имитация неба. Иллюзия открытого пространства была почти полной.

Корвин с изумлением смотрел на чистенькую, яркую, нарядную, сверкающую свежими красками Венецию.

– Идемте за мной, я выведу вас к Большому каналу, – предложил гид. – Реконструкция полная. Все дома скопированы до мельчайших подробностей. Не идет ни в какое сравнение с подлинной Венецией на Старой Земле. Там облупившаяся штукатурка, грязь, духота. К тому же говорят, когда

Венецию поднимали в конце двадцать первого века, многие дома просто развалились, и их построили заново. Но у нас лучше, чем там, красивее, реконструкция самая лучшая, самая подлинная. Знаменитое кафе у Флориана. Рекомендую. Лучше, чем на Старой Земле, а уж с Неронией и не сравнить.

Сквозь бледную дымку искусственного тумана Марк видел, как по фальшивому водохранилищу Сан-Марко, вода в котором казалась сейчас бледно-сиреневой, плывет стайка черных гондол.

– Мост Вздохов выполнен в натуральную величину, – тараторил тем временем гид.

Сразу несколько гондол устремились к раннему посетителю, гондольеры наперебой стали зазывать прокатиться в своих лодочках.

– Как вас зовут? – спросил Корвин гида.

– Леонардо, всех наших гидов зовут Леонардо, – сообщил двуцветный юноша, водружая на черные кудри алый берет с огромной брошью и ворохом белых перьев. Леонардо приклеил голограмму в виде кистей и палитры на рубашку патриция. – В этой лавке самые лучшие этюдники, кисти и краски. Рекомендую. – Похоже, это было его любимое словечко. – На Островах Блаженных многие становятся художниками. Хотя бы на время.

– И что они рисуют? Или пишут? – спросил Корвин. – Какие картины?

– Пейзажи нашей Венеции! Что же еще?!

Верджи ждала своего клиента у выхода из раздевалки аквапарка. Ее загорелое стройное тело отливало бронзой в утренних лучах звезды Фидес. На Верджи был черный купальник, совершенно глухой спереди, а сзади оставлявший открытой лишь верхнюю часть спины – странный выбор для девушки, тогда как вокруг ее сверстницы старались оставить как можно меньше ткани на теле.

– Что-то больно долгие у вас вышли два часа, – заметила девушка, смеясь. – Не знаю ни одной планеты в кольце Звездного экспресса, где бы два часа тянулись столько стандартных минут.

– Насколько мне помнится, твои услуги оплачивает отель? Тогда какое имеет значение, сколько времени я проведу с тобой? – ответил Марк довольно резко.

– Мне платят немного. К твоему сведению, в аквапарк бесплатно гидов пускают только с клиентами. Так что я должна была торчать здесь у входа, а я обожаю плавать! – воскликнула Верджи с притворной обидой. – И мне страсть до чего хотелось искупаться.

– А мне – еще сильнее! – засмеялся Корвин.

Ссора была исчерпана. Юноша прыгнул в воду.

Пожалуй, вода в бассейне была слишком теплой. Но сейчас, утром, когда воздух еще не разогрелся, это было совсем

неплохо. В такие минуты приятно сознавать, что сейчас на Северном полушарии планеты Лаций стоит зима, а здесь на Островах Блаженных – планете отдыха и беспечного веселья, – царствует вечное лето.

Корвин принялся переплывать бассейн. Умение плавать, как и многое другое, досталось ему по наследству. Но все же требовалась немалая тренировка, чтобы переплыть эту огромную чашу без остановки. Аквапарк работал круглосуточно, даже ночью здесь плескалось немало посетителей, но утром, когда местное солнце только-только поднималось над кромкой Малого хребта, в бассейнах и на водяных горках не встретишь ни души. Слышался лишь веселый плеск воды. Верджи прыгнула в воду вслед за Корвином и без труда догнала своего клиента на середине бассейна.

– Плаваешь ты средне, – заметила она.

– Разве в обязанности гида не входит льстить клиенту? – отозвался Марк и окончательно сбился с дыхания.

– А я польстила, – фыркнула Верджи.

До Мыса Удовольствия (голограмма, висящая в воздухе, сообщала, что этот мыс называется именно так) она доплыла первой. Здесь был набор несложных развлечений: горушка с ровными спусками, катапульта, выбрасывающая клиента на середину бассейна, небрежно плавающие в воде лианы, дернув за которые, можно было обрушить на себя бурный поток воды, а, встав на плоский камень на дне, оказаться в потоке бьющих со дна струй. Верджи продемонстрировала своему

подопечному все эти аттракционы по очереди, после чего у Марка появилось горячее желание никогда не уезжать с Островов Блаженных, а еще лучше – никогда не покидать аквапарк.

“Почему я не бывал здесь раньше? – подумал юноша с детской обидой. – Я был рабом, когда другие отдыхали в этом раю. Ну что ж, буду отдыхать теперь, пока мне это не надоест! Я должен пресытиться бездельем. Учтите, я никогда еще в своей жизни не отдыхал”.

Он знал, что всю жизнь будет пытаться вернуть украденные у него годы, но никогда уже не наверстает упущенное, как бы ни старался. Ему стало грустно, хотя и совсем чуть-чуть.

Верджи выбралась из воды, ухватила за толстый канат и принялась раскачиваться. Амплитуда все увеличивалась.

– Эй, ты так из аквапарка улетишь! – крикнул Марк.

Девушка, наконец, раскачалась, выпустила из рук канат, перевернулась в воздухе и вошла в воду иглой. Корвин завертелся на месте, пытаясь определить, где она вынырнет. Девушка появилась рядом с Марком, обдав его фонтаном брызг.

– Хочешь прыгнуть? – спросила Верджи, откидывая пряди волос с лица.

– Непременно.

– Тогда вперед. Через полчаса здесь будет людно, не протолкнуться. Непременно свалишься кому-нибудь на голову.

Ну! Дерзай! Разумеется, ты не сможешь улететь за красную линию, как я.

– А если смогу?

– Ничего не выйдет! – безапелляционно заявила девушка.

– Спорим?

– Конечно! На что?

– Если я пересеку линию, мы вместе повеселимся в Пирамиде. И ты разъяснишь, что такое “сесть на вектор”.

Он ожидал, что она начнет изображать изумление, отнекиваться, уверять, что не знает ни про какие вектора, ни про Тимми, который ими торгует. Но девушка и не подумала изображать пай-девочку, которой ничего не известно про тайные развлечения.

– И ты туда же! – фыркнула Верджи презрительно. – Дался тебе этот вектор! Это же просто шиза.

– Хочу знать.

– Ты такой любопытный? – она изобразила недоверие.

– Очень.

– И непременно хочешь “сесть на вектор”?

– Именно.

– Как задницей на иголку?

– Не могу оценить, пока не попробовал, – резонно заметил Марк.

– Ладно, устраю я тебе “острую посадку”, – уступила Верджи. – Только обещай во всем слушаться меня. Не хватало еще получить нагоняй от шефа, если тебя унесет в открытый

океан. А пока – всего лишь прыжок в бассейн. Нервных просят не смотреть!

Они выбрались на площадку. Верджи нажала светящуюся кнопку на столбе, к которому был прикреплен канат, и включила разметку расстояния. На воде тут же появились три сверкающих полуокружности. Первая – зеленая, вторая – желтая, третья – самая дальняя – огненно-красная. Чтобы долететь до красной черты, надо было очень постараться.

Марк ухватился за канат. На подобных аттракционах ему не приходилось забавляться. Но на канате он раскачивался – и не раз. Вернее, не он, а его отец. Красную линию Корвин перелетел на полметра, но в воду вошел не так эффектно, как его новая знакомая – ногами вперед и подняв тучу брызг. Но он и не обещал красивый прыжок.

Довольный собой герой вынырнул на поверхность, вскинул руку вверх жестом победителя, вновь нырнул и уже под водой доплыл почти до самого Мыса Удовольствия. Верджи сидела на бортике, опустив ноги в воду.

– Ты – обманщик, – она погрозила патрицию пальцем.

– Это почему? – Юноша постарался скорчить самую невинную мину.

– Потому что на вид ты – заморыш и ни за что не мог бы улететь на канате за красную линию. Ты случайно не космический легионер? – поинтересовалась девушка.

– Нет.

– Это хорошо.

– А что, ты не знакомишься с комическими легионерами? – Корвин рассмеялся.

– Именно. Ни с легионерами, ни с гвардейцами, ни с кнехтами. Ни с кем из этой породы. Так кто ты? Чем занимаешься?

– Я же сказал, меня зовут Марк Валерий Корвин.

– И что? Это имя мне что-то должно сказать само по себе?

Похоже, эта девушка мало что знала о патрициях Лация.

– Я – следователь по особо важным делам, – с гордостью объявил Корвин.

– То есть сыщик? – Она недоверчиво изломила бровь.

– Ну да.

Верджи расхохоталась.

– Нет, правда? Ты – наш новый Шерлок Холмс? – выдавила она сквозь смех.

– Что тут такого смешного? – обиделся Марк.

– Нет, ничего, извини. – Верджи вновь прыснула. – Но если ты – патриций, и у тебя генетическая память, то ты помнишь все-все преступления, которые расследовали твои предки?

– Именно так, – подтвердил Корвин.

– И много преступлений ты помнишь?

– Тысячи. А может быть, и десятки тысяч.

– И как тебе такое удастся? – поразилась Верджи. – Как ты не путаешь одно с другим?

– Это несложно. В нужный момент в моем мозгу звучит

нудный поучительный голос: “Марк, подобное преступление произошло двести лет назад. Тогда одну любопытную особу утопили в бассейне за то, что она задавала слишком много вопросов”.

– Все, молчу! – девушка приложила палец к губам. – Отправляемся на Веселую реку, мой дорогой Холмс!

Посетители уже заполняли аквапарк. Целыми семьями с оравами детишек туристы являлись на искусственные берега, чтобы покинуть их только к вечеру. Уже несколько десятков пловцов погрузились в воды Веселой реки. Неглубокий, но бурный поток увлекал их от одного поворота к другому. Верджи и ее клиент спустились в мелкий бассейн, и тут же водный поток увлек их под причудливую арку в компании орущих и смеющихся детей. Пловцы то оказывались в яме, то ныряли в туннель с головой, то их возносило с водным потоком на невысокую горушку и тут же низвергало вниз, в настоящий омут, откуда было не так-то легко выбраться, потому что на голову все время рушились новые потоки воды и новые купальщики. Марк подсаживал наверх то одного малыша, то другого. Наконец девчонка лет семи просто-напросто прошла по его голове босыми пятками. Тогда юноша ухватился за висящий на стене канат, выбрался наверх и уже дальше скользил в бурном потоке воды без всяких задержек, все больше набирая скорость и сознавая, что сейчас он куда-то непременно врежется. Но не врезался. Верджи очутилась рядом, ухватила за руку и вдвоем они на полной скоро-

сти ушли под воду с головой и, понарошку чуть-чуть испугавшись, вынырнули в круглом бассейне, совершенно счастливые, наполненные одним-единственным желанием: тут же совершить новое путешествие.

– Каппучино? – предложил Марк после того как они три раза миновали пороги Веселой реки.

– Не откажусь, – рассмеялась Верджи. – После такого плавания надо непременно подкрепиться.

В буфете они выбрали не только капучино, но и бутерброды, и фруктовый салат; заняли столик на террасе у самой балюстрады. Отсюда были видны уходящие вниз светло-серые скалы, лоскуток галечного пляжа внизу и океан. Великий океан Островов Блаженных. Вся суша этой планеты состояла из двух десятков архипелагов. У берега океан казался изумрудным и сейчас – был абсолютно спокоен, лишен и намека на белую накипь прибоя. Лишь блики бежали по его поверхности, вода вздымалась и опускалась, как будто океан заснул и дышал во сне.

Верджи смотрела вниз как замороженная. Ее волосы быстро высохли и завились кольцами. В профиль ее лицо выглядело совсем иначе: высокий лоб, нос с горбинкой, но изящный и тонко очерченный; маленький твердый подбородок. На фоне освещенной скалы она казалась воительницей из виджа.

Патриций разглядывал спутницу довольно бесцеремонно. В конце концов, она – гид, и не должна смущаться.

“Верджи нельзя назвать хорошенькой. Она – необыкновенная, – сделал выводы юный сыщик, умудренный опытом прежних поколений. – Но не умеет себя подать. Или не хочет? Стесняется? Не уверена в своих силах? Или выбрала маску “своего парня”, потому что не желает заводить знакомства? И она совсем не та, за кого пытается себя выдать”.

Все подтверждало его выводы: волосы, стриженные почти небрежно, отсутствие несмываемой косметики, этого непременно атрибута пляжа, слишком темный загар, и этот ужасный темный купальник.

– Любишь купаться в море? – спросил Марк.

– Плаваю каждый вечер. После того как расстанусь с очередным туристом.

– И где вы расстаетесь?

– Дурацкие намеки ни к чему, – она ответила резко, без тени кокетства. – Все они остаются в Пирамиде до утра. А я отправляюсь на берег океана, а потом спать.

– Разве ты не обязана находиться с клиентом постоянно?

– Только до полуночи. Спать-то я все же должна! Если турист хочет порезвиться в Пирамиде – пусть развлекается. Дело в том, – девушка усмехнулась, – что из Пирамиды никто не уходит до полуночи.

– Значит, меня ты тоже бросишь? – Юноша изобразил обиду.

– Я – Золушка. Бьет двенадцать, и малышка Верджи исчезает, оставляя своему спутнику вместо хрустальной туфель-

ки счет за день.

– Значит, я – твой принц? – улыбнулся Марк.

К его удивлению, девушка ничего не ответила.

– Эй, Верджи! – окликнул кто-то его спутницу.

Корвин и Верджи оглянулись одновременно. К их столу заученной танцующей походкой видеомодели шагала загорелая блондинка.

Она была старше Верджи и нельзя сказать, чтобы красавица: вздернутый нос, несимметричный рот, на нижней губе – крошечный шрам, что, несомненно, придавало лицу особое очарование и некоторую жестокость. А вот фигурка у этой новой красотки была идеальной, и лимонного оттенка бикини практически ничего не скрывали. И главное – девчонка была уверена в себе.

“Прожженная стерва”, – в патриции проснулся циник. Удобный экземпляр для краткого пляжного знакомства. Но ему не хотелось с ней знакомиться. К сожалению, за их столиком стоял еще один стул, и блондинка на него присела.

– Кто это провинциал, Верджи? Рассчитываешь его подцепить? – Красавица в лимонном бикини улыбнулась кокетливо, но в меру – как будто прикидывала, стоит ли тратить на незнакомца время. И по тому, как остыла улыбка на ее губах, сделалось ясно, что тратить время она не собиралась. Однако не могла отказать себе в удовольствии спутать планы “подруги”.

– Мой клиент из “Жемчужины”, – сказала Верджи сухо.

Ясно было, что ей хочется отделаться от блондинки как можно скорее.

Та как будто и не заметила раздраженного тона Верджи.

– Я – Ири. – Девушка чмокнула Марка в щеку. От нее пахло морем, свежестью и чуть-чуть – какими-то терпкими духами, запах которых ни одна вода не может смыть. – Откуда ты прибыл, малыш? С Психеи? Или с Лация-два? В “Жемчужине” дорогие номера, – он вновь заинтересовал ее, но совсем чуть-чуть. Скорее всего, она прикидывала, можно ли этого парня раскрутить на обед в дорогом ресторане или на вечер в казино “Париж”.

– С Лация.

Ири усмехнулась:

– Не пудри мне мозги, парень! У меня в комбраслете миниатюрный детектор лжи. И он говорит, что ты бессовестно лжешь!

– Тогда кто же я на самом деле? – Пока что Марк находил разговор забавным.

– Бывший раб, – отвечала Ири. – Вероятность пятьдесят процентов и наемник – вероятность сорок.

– Бывший раб? – у беглеца с Колесницы Фаэтона дрогнул голос. Слова прозвучали звонкой пощечиной.

– Я встречала одного жиголо, который выдавал себя за патриция с Лация, девчонки вешались на него гроздьями, – сообщила Ири. – Но с тобой этот номер не пройдет. Сразу видно, что ты вырос где-то в колонии. Может быть, даже

служил в ополчении. У тебя регенерированная кожа на спине. Не всякий поймет, но у меня наметанный глаз, – заявила Ири.

Верджи молчала и пыталась сделать хотя бы глоток из пустой чашки.

– Девчонки любят патрициев с Лация? – Марк не знал, как прекратить этот неприятный ему разговор.

– Очень не любят таких, кто пытается пудрить им мозги, изображает из себя за аристократа, но при этом останавливается в “Жемчужине”.

Поселиться в “Жемчужине” брату посоветовала Лери. Еще один розыгрыш обожаемой сестрички?

“Ну что, вернусь – спрошу. И отомщу. Или поблагодарю. За спасение от опасных хищниц”, – Марк плотоядно улыбнулся.

Похоже, Ири приняла его улыбку на свой счет.

– Ладно, ладно, я тебя прощаю, – объявила она. – Хороша бы я была, если бы поверила что ты – патриций. Но обещай больше не врать наивным девочкам.

– Вы тут устраиваете что-то вроде охоты на этих ребят с Лация? – спросил Корвин. Его вдруг стала забавлять дерзкая глуповатость Ири и ее уверенность. Похоже, она даже мысли не допускала, что может ошибаться.

– Неженатый патриций – главный приз, – ехидно заметила Верджи. – Ири каждый день тратит три часа на макияж и десять тысяч кредов в неделю – на тряпки. Обещала, что

к концу года непременно добудет себе какого-нибудь лацийского аристократа.

– Зато ты ничего не получишь, – парировала Ири.

– Это почему? – спросила Верджи.

– Чтобы гоняться за неженатыми патрициями, нужна другая косметика. Да и купальник стоит надеть совсем другой. Неужели ты думаешь, что можно подцепить патриция, разгуливая в бабушкином купальнике?

Договорить она не успела: от удара кулаком слетела со стула и, грохнувшись на пятую точку, уехала по идеально ровному полу метра на три. Несколько секунд она сидела неподвижно, растерянно хлопая ресницами.

– Идиотка! Психованная! – Ири вскочила и стремглав унеслась с террасы.

– Хороший удар, – похвалил Корвин. – Но здесь наверняка всюду есть камеры наблюдения. Она может подать на тебя заявление в полицию.

– Не подаст. – Похоже, Верджи была в ярости, ноздри ее тонко очерченного носа дрожали. А глаза... Корвин был уверен, что они должны метать молнии. Но Верджи опустила взгляд и упрямо разглядывала пустую чашку.

– Почему?

– Мы – подруги.

– И каждый день деретесь? – юноша был несколько обескуражен. Спору нет, в его детстве девчонки часто дрались, но то были рабыни с плантации барона Фейра.

– Не каждый. Но иногда случается. Я люблю драться, – призналась Верджи. – А ты?

– Не особенно. Хотя иногда приходится.

– Я все детство дралась. У меня было двое братьев. У нас каждый день в саду кипели сражения. Андре, Винсан и я... – Она вдруг помрачнела и подавила вздох. – Ири – хорошая девчонка. Просто характер у нее сволочной. Завтра мы помиримся, – пообещала Верджи. Похоже, ей было неловко от того, что Марк оказался свидетелем потасовки.

– Ты тоже ловишь патриция? – спросил он со смехом.

– Слушай, не говори ерунды. И потом... – она скорчила презрительную гримасу. – Мне патриций ни к чему.

– Вот как? Мы такие гордые?

– Нет. Мне попросту запрещен въезд на Лаций. Я должна всю жизнь провести в колониях. Эта – лучшая. Но ведь есть еще такие как Петра. Ты бывал на Петре?

– Лично я – нет. Но мой дед воевал там. Ужасная планета с разреженной атмосферой. Жить можно только в купольных городах.

– А я была, – сказала Верджи. – Хотела сделаться петрийским наемником.

– У тебя отличный удар правой. Тебя бы взяли, – засмеялся Марк.

– Мне не понравился их обряд посвящения. Поэтому я выбрала Острова Блаженных.

“Кто она такая? Незаконная дочь какого-нибудь патри-

ция, лишенная ноши, но сохранившая гордость и надменность предков? Или ее родители – причем оба – совершили государственное преступление, и вся семья была выслана с Лация, – внезапно ожил голос предков. – Их дети после шестнадцати должны находиться под постоянным контролем”.

Корвина это открытие должно было бы оттолкнуть. Но не оттолкнуло. Напротив, проснулось жгучее любопытство – захотелось непременно узнать, почему девушка оказалась высланной из метрополии пожизненно. Он ощутил с ней странное родство: оба против воли были лишены родины, оба пребывали не там, где хотели бы жить. Возможно, она росла среди чужих людей, как и Марк. Ее преследовали. Мгновенно он сочинил для своей новой знакомой целую историю жизни, расцвелил многочисленными подробностями. Там еще не было конкретных имен и географических названий, но канва событий была прочерчена пунктиром от самого рождения до восемнадцатилетия героини.

– Пойдем, прокатимся на главной горке, – предложила она.

Корвин посмотрел на вершину скалы, откуда, совершая один поворот головокругительнее другого, спускался полукруглый желоб. По нему, оглашая окрестные горы визгом и воплями восторга, мчались вниз на амортизационных подушках любители приключений. Снизу этот спуск казался смертельно опасным. На самом деле замечательная горка ни-

чем никому не грозила, зато гарантировала бешеный выброс адреналина в кровь.

– Идем, – Марк поднялся. – Но, похоже, там теперь уйма отдыхающих.

– Не страшно! Мы их всех растолкаем! Сядем на одну подушку, спустимся вместе. Так интереснее – могу тебя заверить. Подушки рассчитаны на двести килограммов. Вперед! На abordаж!

– Тогда она нас выдержит. Надеюсь, я не слишком растолстел! – юноша попытался выпятить свой плоский живот. Его спутница рассмеялась. Но он был уверен, что Верджи смеется и шутит как-то через силу. Будто роль, которую она выбрала, с каждой минутой ей нравилась все меньше.

Они направились в площадке с лифтами – подниматься на гору. В соседнюю кабинку забежали две девчонки и парень – прекрасно сложенный широкоплечий блондин с профилем античного героя. Загорелые девчонки с идеальными фигурками смеялись, поочередно обнимали и целовали своего красавца, а потом друг друга. Видимо, вся троица уже успела скатиться с горки, потому что они тащили с собой три оранжевые пухлые подушки. Тем, кто скатывается в первый раз, амортизаторы выдавали наверху.

Две кабинки двигались почти параллельно. Марк со своей спутницей отстали от соседей на полметра – не больше. Верджи внимательно посмотрела на красавца и его спутниц, отвернулась. Полдень еще не наступил, склон горы и кабинки

лифтов находились в тени. После жаркой террасы кафе здесь было довольно прохладно. Корвин заметил, что его спутница дрожит. Верджи вцепилась в поручень и, запрокинув голову, смотрела, как приближается макушка горы. Ее взгляд был прикован к причудливой арке, под которой начинался полупрозрачный желоб аттракциона.

– Надо вернуться, – вдруг сказала она.

– Ты же обещала: мы будем вместе. Или ты боишься? Смешно! Спуск совершенно безопасный.

– Нет.

Корвин видел, как побелели костяшки ее пальцев, сжимавших поручень.

– Мы что же, сядем в кабинку лифта и отправимся обратно? – спросил Марк. – Над нами будет хохотать весь аквапарк.

Он проводил взглядом пустую капсулу, что промчалась вниз за новыми искателями приключений.

– Да, – выдавила Верджи. – Очень осторожно. Не привлекай внимания. Мы вернемся. Как только доедем до верху, и двери откроются, сразу нажимай на спуск. Но не раньше. – В ее голосе больше не было шутливых интонаций. Она говорила серьезно и зло. Отдавала приказы.

– Поверь, милая, это смешно. Вот что, давай, я отнесу тебя к желобу на руках, и мы вместе помчимся вниз.

– Я тебя не пущу.

– Это почему же? – Корвин рассмеялся.

– Мы погибнем, если окажемся в желобе.

“Она просто больная, – сообразил Марк. – Или у нее нервный срыв. Недаром она подралась с этой Ири”.

– Ты знаешь, как мы умрем? – он старался, чтобы в голосе не прозвучало насмешки.

– Тебя убьют, – отвечала Верджи уверенно. – Во время спуска. Это самое удобное.

– Милая Кассандра! – рассмеялся патриций. – Разве ты не знаешь, что твоим предсказаниям никто никогда не верит?!

Девушка резко повернулась, обхватила его одной рукой за шею и зашептала:

– Ты спустишься вниз! Я тебе приказываю! Слышишь! Или ты умрешь! Сейчас! Марк! Умоляю! Поверь мне! Ты же умный! Герой, патриций. Ты должен понять.

Оба лифта остановились на верхней площадке почти одновременно. Красавец-блондин, обнимая девушек за талии, выпрыгнул на площадку. В этот момент открылись двери кабины, в которой ехал Корвин со своей спутницей. Верджи с неожиданной силой толкнула своего клиента обратно в лифт и нажала кнопку “спуск”. Лифт помчался вниз. В последний момент Марк успел заметить, что одна из красоток супермена обернулась. Ее лицо Корвин видел лишь мгновение. Но разглядел точно – на хорошеньком личике были написаны разочарование и злость.

– Кто они такие? Что им надо? – спросил клиент у своего гида шепотом.

Девушка не ответила. Она по-прежнему одной рукой обнимала Марка, но в этом жесте – он готов был поклясться – не было ничего интимного.

Верджи держала своего спутника, как будто он мог упасть!

Потом она вдруг отшатнулась и рванула юношу за собой. От рывка Корвин не удержал равновесие и упал в объятия гида. Одновременно раздался какой-то скрежет, порыв ветра ударил в спину. Корвин оглянулся. Третью кабины исчезла – ее будто срезало ножом – край крыши, угол, где сходили две стенки и кусок пола. Девушка по-прежнему держалась одной рукой за поручень, иначе они бы вдвоем вывалились из кабины. Ясно было, что стреляли сверху, те трое. Оружие у них было в подушках.

Марк тоже ухватился за поручень рядом со своей “Кассандрой”, теперь они стояли, прижавшись к внутренней стенке кабины. Нельзя сказать, чтобы это место было полностью безопасным, но все же достать их здесь, стреляя сверху, было труднее всего.

– На скамейку! – приказал он.

И не сразу сообразил, что Верджи выкрикнула те же слова одновременно с ним.

Они успели запрыгнуть на скамейку, когда еще один угол кабины и с ним весь пол отделила от уцелевшего обрубка огненная полоса.

Марк поднял голову. Отстав от них метров на двадцать,

кабинка с белокурым атлетом и двумя его красотками неслась вниз.

– Надо было взять бластер, – прошептал Корвин. Хотя не представлял, как бы он мог купаться в бассейне с бластером на боку.

Похоже, люди внизу что-то заметили. На посадочной площадке началась паника. Казавшиеся сверху игрушечными фигурки удирали подальше от лифтов. Два флайера колониальной полиции поднялись в воздух с площадки спасательного пункта и устремились к несущимся вниз кабинам. Юноша левой рукой покрепче обнял спутницу, правой судорожно вцепился в поручень. Девушка сделала то же самое. Они так крепко прижимались друг к другу, что казались единым целым.

– Сейчас! – предостерегла Верджи.

Кабинка качнулась и замерла. А мимо них, кувыркаясь, пролетел вниз огненный шар. Корвину показалось, что он разглядел внутри три мечущиеся, еще живые фигуры.

Флайер вигилов снизился и завис напротив их изуродованной кабины.

– Скорее! – взмолился Марк.

– Мы падаем, – сообщил его странный гид.

Не стоило смотреть вниз – под ногами больше не было пола. Впрочем, Корвин и так чувствовал: уцелевший обломок, на котором они висели, как две несчастные обезьяны, неумолимо кренится. Еще миг – и они сорвутся.

– Нас спасут, – пообещал Марк, хотя не был в этом уверен.

И тут же увидел, что один из полицейских собирается бросить в них термогранату – было нетрудно узнать ее вытянутый корпус и оранжевую нащепку взрывателя наверху.

– Мы – не преступники! – закричал Корвин так, что мгновенно осип от крика. – Нет!

Полицейский как будто ничего не услышал. Он тщательно размахнулся и швырнул гранату. Верджи отпустила поручень и поймала гранату свободной рукой. Корвин сообразил (О, Боже! Боже! Я не верю в тебя, но ведь это чудо!), что взрыватель на месте.

– Держи меня крепче! – приказала девушка. – Двумя руками. Крепко держи. И закрой глаза.

Он подчинился, обнял ее и зажмурился.

В следующий миг им плеснуло ветром в лицо, и юноша сообразил, что падает. Он падал с высоты и понимал, что через несколько мгновений умрет. Сколько может длиться полет на Островах Блаженных, если ускорение на этой планете равно $0,82\text{ g}$?

Он открыл глаза, и увидел под собой не плиты, а зеленые воды океана.

В этот миг он все же отпустил Верджи, и в воду они упали порознь. Марк сумел сгруппироваться, иначе сильно бы расшибся о воду – высота была не маленькая. А девушка перевернулась в воздухе и вошла в воду иглой – видимо, она была по части прыжков мастер.

Марк ушел в глубину, а потом долго, нестерпимо долго поднимался на поверхность. Ему показалось, что он достиг самого дна океана. Разумеется, это был всего лишь обман. Корвин погрузился метров на восемь – не больше. Когда он всплыл, Верджи уже была на поверхности.

– Берег далековато, – сообщила его спасительница. – Извини, но в таких случаях невозможно рассчитать. Уж лучше очутиться подальше от берега и в воде, нежели разбиться о скалы.

Она махнула рукой, указывая направление. Спасенный повернул голову. Берег был так далеко, что у него перехватило дыхание. Километра два – не меньше. Глазомер у него, как у любого из патрициев, был неплохой.

– Надо вызвать спасателей. – Он ухватился за запястье.

Но напрасно пальцы пытались нащупать комбраслет. Его не было. Видимо, браслет свалился в момент их сумасшедшего прыжка. Корвин так опешил в этот момент, что стал уходить на глубину, Верджи ухватила его за волосы (благо они были не слишком короткими) и рванула вверх.

– Я потерял коммик, – сообщил Марк, отфыркиваясь.

– И решил поискать его на дне?

– Мне не до шуток, – сказал он, отплевываясь. Во рту была горечь – все же наглотался соленой воды. – Как мы доберемся до берега?

– Ничего страшного, на море штиль. Поплаваем в свое удовольствие. Я каждый вечер еще дальше заплываю. Здесь

нет акул, так что бояться нечего.

– А у тебя разве нет комбраслета? У тебя же был...

– Я сняла его в раздевалке. Дешевенькая вещица – портится в воде.

“Гид – и носит дешевый браслет? Странно – по меньшей мере”, – шепнул голос предков.

– Плыдем! – весело воскликнула Верджи.

Она поплыла вперед брасом. Юноша следовал за ней, стараясь экономно расходовать силы.

– Если честно, то сегодня я плаваю в первый раз в жизни, – признался Марк.

Девушка обернулась:

– Плаваешь ты, конечно, не очень, но, пожалуйста, не ври.

– Правда, правда. Это умение от моих предков. Лично сам я плыву впервые.

Новоявленный пловец вдруг осознал, какая толща воды сейчас под ним, на миг его охватил ужас. Из всех видов смертей Марк больше всего боялся утопления. Почему – не знал. Его прадед тонул однажды. Марк помнил шум воды в ушах.

– Я не дам тебе утонуть, – заявила Верджи. – Это было бы чересчур обидно. Если устанешь, ляжешь на спину и отдохнешь.

– Здесь точно нет акул? – спросил Корвин.

– В океане водятся ядовитые медузы. Но не в этом районе.

– А спасатели не вышлют патруль?

– Вряд ли. Сейчас им не до этого. Как мы сюда брякну-

лись, никто не видел. Однако если мы к вечеру не дотянем до берега, то спасатели появятся: как раз перед закатом. В это время они начинают вылавливать севших на вектор в Пирамиде.

– К вечеру... – простонал несчастный пловец.

– Не волнуйся, нам понадобится что-то около полутора часов, учитывая твой медленный темп.

* * *

Когда они выбрались, наконец, на берег, Марк рухнул на горячий песок, но тепла не почувствовал. В этот миг ему казалось, что он превратился в глубоководную рыбину, и тело его стало такое же, как у рыбы: жидкое, белое и холодное. Нет, он даже не рыбина, а настоящая амеба. Рот горел от нестерпимой горечи, в груди саднило.

Верджи уселась рядом и принялась посыпать ему спину горячим песком, потом вдруг наклонилась, коснулась губами его щеки.

– У тебя потрясающая воля, – шепнула на ухо.

– Неужели? Я и не знал, – пробормотал Марк.

– Ну, как тебе первый день отдыха? – Его спутница и спасительница, похоже, не устала ни капельки.

– Великолепно. Незабываемо. А что это было? Как мы успели выскочить из аквапарка и упасть в океан?

– Это называется – “сесть на вектор”. Я как раз накануне

купила пару штук у Тимми в Пирамиде. На всякий случай. – Верджи обрушила ему на спину новый поток горячего песка.

– Ты спасла мне жизнь, – простонал Марк.

– С тебя – две тысячи кредитов.

– Две тысячи? Я и не знал. Неужели моя жизнь стоит всего две тысячи? Я думал – куда дороже.

– Две тысячи стоили два вектора, – уточнила практичная особа. – Всего лишь прошу компенсировать расходы.

– Значит, я должен оплатить еще и твою жизнь? – Спасенный перевернулся на спину. Кажется, он начинал что-то чувствовать.

Он вдруг понял, что немного гордится собой. Кажется, совсем неплохой заплыв получился.

– Разумеется, – засмеялась Верджи. – Ведь этот парень хотел прикончить тебя, а не меня.

– Не может быть! – Марк снова перекатился. Песок на этом диком пляже казался ему недостаточно горячим. – Я был уверен – это твой бывший любовник, и он собрался с тобой рассчитаться. А я только подвернулся под руку.

– Ладно, вставай, хватит валяться! – Девушка легко вскочила. – Скоро уже время обеда. Ты обещал меня пригласить в какой-нибудь приличный ресторан. К тому же вечером нас ждет Пирамида.

– Сегодня? Нет, ни за что! Никаких Пирамид.

– Вставай! – Она изобразила обиду. – Вставай и пошли! Ты обещал мне обед!

– Обед! Помилуй! Верджи! Неужели ты сейчас можешь что-то съесть? У меня в животе плещется коктейль из океанской воды, песка и гальки.

– Хочу обед! Черепаховый суп! Запеченный лосось, икру и креветки! – выкрикивала она названия блюд, как рекламные слоганы.

– Хорошо. Идем обедать. Ты будешь есть, я буду смотреть, как ты ешь.

Корвин поднялся с трудом. Его замутило.

“Только бы не вырвало! – с тоской подумал незадачливый курортник. – Не лучший способ понравиться девчонке – блевать в ее присутствии”. – “А я хочу ей понравиться?” – похоже, постоянные внутренние монологи уже вошли в привычку. – “Было бы неплохо...”

– Послушай, оставь меня здесь, а сама сбегай за каким-нибудь эскулапом. В аквапарке должен быть медпункт.

– Мы давно не на территории аквапарка, – напомнила Верджи. – И эскулап тебе не нужен. Тебе нужна бутылка тоника и пара стим-таблеток. Жди, я скоро вернусь.

– Обожаю ненавязчивых девчонок. – Марк вновь растянулся на песке и прикрыл глаза.

– Вставай! – Верджи рванула его за руку.

– Этот парень хотел меня убить. Но почему? Кто он? Что я ему сделал? Потом этот коп. Он швырнул в меня гранату. Я бы сгорел факелом, как те киллеры. Если бы не ты, Верджи, – пробормотал Марк.

– Рассуждать будешь потом, сейчас главное – как можно быстрее убираться отсюда. Или ты ждешь, что явится новый убийца?

Эти слова заставили Марка наконец приподнять голову. Пляж был по-прежнему пуст. Сверху по скалам сюда невозможно спуститься. Среди отвесных склонов не угадывалось даже намека на тропинку. Но для немногочисленных любителей морского купания на вертикальной скале были установлены два подъемника. Если киллер доберется сюда, жертва окажется в естественной ловушке. Корвин как будто увидел себя и Верджи сверху – крошечные фигурки на белом песке, как на ладони. Можно выстрелить сверху и быстро уйти, а можно спуститься на пляж и расправиться с жертвой обстоятельно, не спеша.

– Вставай, патриций Лация, у тебя сильная воля! – закричала Верджи.

Лациец заставил себя подняться.

Девушка обняла его с такой силой, как будто собиралась задушить. И поцеловала – в щеки и в губы. Корвин попытался ответить на ее поцелуй, но Верджи подхватила его под руку и повела. Марк не сопротивлялся.

“Однако, у нее совсем не женская сила, – отметил он про себя. – И мне почему-то кажется, что Верджи – совсем не гид. Может быть, ее наняли для охраны моей особы? Лери или Флакк?”

Мысль, что она должна его охранять, не показалась Марку

такой уж безумной. С самого его возвращения на Лаций кто-нибудь горел страстным желанием прикончить юного Корвина. Сначала наварх Корнелий, потом – заговорщики-плебеи. А кто теперь на него покушается?

Спотыкаясь на каждом шагу, он с помощью гида преодолел несколько метров песчаного пляжа и добрался до небольшой лестницы. Двадцать вырубленных в скале ступеней вели к площадке подъемника со скамейками для ожидающих. Пустая кабинка стояла внизу. Вторая наверху. Верджи втокнула Марка в кабину, он тут же уселся на пол.

Кабинка тронулась. Корвина затрясло – он еще не отошел от предыдущего путешествия в подъемнике. Верджи, напротив, была спокойна. Кажется, она выплеснула все свои чувства в нескольких поцелуях.

– Можешь объяснить, что здесь происходит? – спросил он, глядя на нее снизу вверх.

– Ты похож на живой труп: белая кожа, синие губы, и к тому же весь в песке.

Девушка принялась стряхивать с него подсохший песок и даже сдвигать песчинки, как будто он был необыкновенно ценен.

Как только они поднялись Верджи схватила его за руку и вновь потащила за собой.

Корвин повиновался. Они бежали. Куда? Зачем? Кажется, к площадке флайеров. Похоже, она решила увести его из аквапарка.

– Надо поговорить с полицией, – предложил Корвин.

– Потом, – отвечала его спасительница и уже хотела втолкнуть Марка в ближайшую свободную машину.

– Мне не нравится, когда мной повелевают! – патриций вырвал из ее ладоней руку, повернулся и зашагал к домику, где размещалась охрана аквапарка.

* * *

Ночь спустилась на Острова Блаженных почти мгновенно. Еще несколько минут назад пылал яркий закат, потом небо стало гаснуть, как будто кто-то спешно наливал в синюю чашу черную краску. И по мере того как гасло небо, разгорались огни реклам. На фоне черного бархата расцветали огненные лотосы, неслись световые дорожки, вертелись светящиеся шары. Пирамида опять превратилась в сверкающий айсберг.

Предаваться безделью – непозволительная роскошь для патриция. Патриций каждый день, каждый час должен быть в гуще событий, следить за последней информацией, знать, что происходит на его планете, кто союзник Лация ныне, кто враг. Заседаешь ты в сенате, или бездельничаешь, ученый ты, чье имя почтительно произносят в Норике, или младший офицер – все равно ты каждый день должен спрашивать га-ланет: что нового на нашем Лации. Уроженцы Лация – наследники римлян. Для них политика не просто часть жизни –

это страсть. Если все жители Неронии буквально помешаны на живописи и архитектуре, то лацийцы относятся к политике, как к искусству. Причем плебеи проявляют куда больше азарта во время политических баталий, чем патриции, для которых обязательность участия снижает ярость борьбы. Случалось, что выступления на форуме заканчивались потасовками, а к народному трибуну, не оправдавшему доверие плебса, его избиратели являлись на дом и обливали беднягу помоями (благо двери дома народного трибуна по римскому обычаю должны быть всегда открыты). А уж выборы консулов, этих двух правителей планеты, проводились так, будто жизнь каждого гражданина зависела от исхода борьбы. Все вкладывали в это действо столько энергии, что потом неделю после избрания консулов Лаций пребывал в блаженно-сонном состоянии, близком к нирване. Когда Марк вернулся на родную планету, то в первое время ему все эти перипетии периодических схваток за власть казались вычурными и порой бессмысленными, но ожившая память предков вскоре стерла налет рабского равнодушия.

* * *

Корвин уселся на террасе, закутавшись в белый махровый халат. Включил на стационарном комустройстве видеосвязь через галанет. Вспыхнул голубой столбик и превратился в молодую женщину в обтягивающем белом платье.

– Марк! – обрадованно воскликнула женщина. – Как хорошо, что ты связался со мной. Я только что вернулась с заседания сената.

– Лери! Сестричка! – юноша поставил на столик чашку с кофе, что держал в руке. – Как ты похорошела!

– Неужели? Как тебе мое платье? – Она повернулась перед братом на каблуках. Тончайший псевдотрикотаж обтягивал ее стройную фигурку, но при этом подчеркивал отчетливо обозначившийся животик.

– Сколько недель? Двадцать две стандартных? – спросил Марк, хотя знал прекрасно: двадцать три.

– Двадцать три, – с гордостью объявила Лери.

– Уже? – он изобразил изумление. – Баталии в сенате тебе не повредят?

– Представь, Марк, Друз каждый день задает мне тот же вопрос.

– Мы за тебя переживаем, сестренка. Кому же не беспокоиться о тебе, как не любящему брату и любящему мужу? Я уже жалею, что взвалил на твои хрупкие плечи эту непосильную ношу.

– Но кто-то должен вместо тебя появляться на заседаниях сената, раз ты предпочел оставаться сыщиком, – напомнила Лери. – Тем более – теперь.

– Происходит что-то важное? – насторожился Корвин.

– Я пришлю тебе отчет по защищенному каналу, – пообещала Лери. – А ты расскажи, что за покушение на тебя устро-

или сегодня в аквапарке? Я уже получила подробный отчет, но, если честно, ничего не поняла.

– Не знаю сам. Ерунда какая-то. Я два часа провел в местной префектуре. Выяснил только одно: неизвестно кто хотел меня убить неизвестно зачем. Убийца якобы погиб, расплавлен плазменным зарядом, так что даже его ДНК невозможно идентифицировать.

О том, что он не верит в гибель убийцы, Марк распространяться не стал. Лери в ее положении совершенно не нужно лишний раз волноваться.

– А записи камер наблюдения?

– По ним тоже не могут ничего определить.

Лери также совершенно не обязательно знать, что один из копов швырнул в беглецов гранату. Следователь, которому Корвин поведал о странном происшествии, полностью отрицал такую возможность. Мол, испуганному туристу попросту привиделась граната. Доказывать, что Корвин сохранил ясную голову в тот момент, когда с обломками подъемника падал со скалы, было бесполезно. Марк попытался убедить Верджи дать показания, но девушка наотрез отказалась, хотя и сопровождала своего клиента повсюду – в префектуру, в ближайшее кафе, где они наскоро перекусили, и до самых дверей “Жемчужины”, – где она, наконец, его оставила. Теперь Марк был уверен, что эту девушку прислал Лаций для его охраны и немного расстроился: вряд ли охранница станет флиртовать со своим клиентом. А он, если быть честным,

рассчитывал на краткий отпускной роман.

“Можно найти другую”, – посоветовал голос предков.
“Отвяжись”, – огрызнулся патриций.

– Ты что, заснул? – спросила Лери.

– Нет... А что? – Корвин очнулся от своих мыслей.

– Спрашиваю, почему ты сам не взялся за это дело о покушении?

– Я здесь на отдыхе – или ты забыла? Пусть мою шкуру спасают другие. Я им доверяю. Как дела на Лации? – спросил Марк, не желая больше обсуждать утреннее происшествие.

– Ничего особенного. Мелкая возня.

Корвин смотрел на ее живот и рот его невольно расплылся в улыбке до ушей. Малыш. Мальчик. Наследник. Потомок двух родов: нового патрицианского рода Ливиев Друзов и старинного – Валериев Корвинов. Патриций, который унаследует генетическую память своих предков. Все тайны прошлого, все подвиги и все неблагоприятные деяния своих родителей. Их наследник и одновременно – самый строгий судья. Но разве Друзу и Лери придется перед ним за что-нибудь стыдиться? Ну, разве что за ту сцену в парке...

– Все идет замечательно, так ведь? – Марк попытался согнать с лица нелепую улыбку, но не получилось. – Или тебя что-то беспокоит?

– Я ужасно поглупела, – поведала Лери с грустным видом.

– Да ну! Никогда не поверю!

– Точно. Мозги будто ватой набиты. Все силы забирает

ребенок.

– Очень хорошо – не будешь выделяться умом среди других сенаторов, – засмеялся Корвин.

Лери привычным жестом сложила ладошки на животе.

– Толкается, – на миг прикрыла глаза. – Наследник.

– Как дела у Друза?

Лери улыбнулась едва заметно. Она всегда теперь так улыбалась, когда кто-нибудь произносил имя ее мужа.

– Он занят новой боевой станцией. Когда в Норике закончат проект, Друза сделают руководителем космического дока, в котором будут собирать станцию. Сенат, наконец, оценил его технический гений.

– Я рад за него. Честно!

– За меня ты тоже рад?! – Лери изобразила обиду. – Я с мужем буду видаться раз в неделю – может быть. Все остальное время он будет торчать на орбите. А когда начнется доводка станции, я не увижу его несколько месяцев.

– Тебя будут развлекать отцы-сенаторы и твой будущий малыш. Кстати, у меня новый код комбраслета. По старому лучше не звонить – не ответит.

– А может быть, кто-нибудь отзовется? – ехидно спросила Лери. – Какая-нибудь местная знойная красавица?

– Разве что русалка – я утопил его в океане.

– Ты купался в океане? – оживилась Лери. – Ну и как?

– Восхитительно! Не забуду до конца своих дней!

– И оставишь эти яркие воспоминание в наследство своим

детям.

– Они будут в восторге! – усмехнулся Марк. – Кстати, имя Верджи тебе ни о чем не говорит?

– Нет, а что? – Лери искренне удивилась. Или очень хорошо изобразила удивление. – Твоя новая знакомая?

– Мой гид.

Глава 2

Обед

Похоже, в дверь стучат. Или это во сне? Нет, наяву. Черт! Наяву. Марк разлепил глаза. Ну да, кто-то колотил в дверь. И, похоже, – давно. Сколько сейчас времени? Наверняка – давно за полдень.

Пришлось подниматься и идти открывать.

На пороге стояла Верджи. Сегодня на ней был строгий белый брючный костюм. Белый материал удачно контрастировал с загорелой кожей. Комбраслет на запястье. Ага! Вчерашнее приключение ее, кажется, кое-чему научило.

– О, Звезды! Я же просил меня не будить! – воскликнул Марк.

– Уже обед! – объявила красавица-гид. – Ты пропустил завтрак, надо хотя бы пообедать.

– Я закажу еду в номер, – предложил он.

– Это очень скучно – набивать живот остывшей жратвой в номере. Я знаю один отличный ресторанчик. Всего в квартале отсюда. Идем!

– Ты опять пытаешься мной руководить? – нахмурился юноша.

– Я всего лишь твой проводник, – заверила Верджи.

– Ладно, ладно, действительно, глупо весь день торчать в номере. – Марк отправился одеваться.

Брюки, футболка, поверх – свободная полотняная жилетка. На пояс брюк под майкой прикрепил парализатор, во внутренний карман жилетки положил несколько капсул с усыпляющим газом. Взял еще парализующую гранату. Когда на тебя охотятся неизвестные хищники, изображать безобидного зайца совершенно ни к чему. Даже если у тебя такой замечательный телохранитель, как Верджи.

* * *

Она его, разумеется, обманула. Во-первых, ресторан находился вовсе не в двух кварталах от “Жемчужины”. В наемном флайере они покинули центр и минут через пятнадцать уже летели над районом маленьких аккуратных домиков, уютных кафе, ресторанчиков и магазинов, торгующих сувенирами. Они миновали кварталов двадцать, прежде чем флайер опустился на небольшой стоянке, окруженной деревьями.

Дальше Марк и его спутница двинулись пешком. Квартал миновали, второй, третий.

– Чудный район, – сказала Верджи. – Вон в том магазине продают бумажные книги. А в том – офорты, гравюры и видеокартинки. Не хочешь заглянуть?

– Ты не заблудилась? – поинтересовался Корвин.

– Нет, ну что ты! – Она огляделась по сторонам. – Нам туда! – втолкнула своего клиента в ближайшую дверь.

Неужели они пересекли почти весь город, чтобы заглянуть в этот крошечный ничем не примечательный ресторанчик? Штук пять столиков, белые скатерти, тяжелые портьеры. В полутемном зале почти никого не было. Только за одним столиком в углу сидел какой-то мужчина лет сорока в пестрой рубаше и шортах, в сандалиях на босу ногу. Широкополая шляпа лежала рядом с ним на столе.

– Сейчас закажу обед, – пообещала Верджи и, даже не спросив, что желает отведать Марк, направилась к стойке.

Опять она все делает по-своему!

– Возьми мне жареную маисоль! – крикнул он ей вслед.

Сидевший за столиком мужчина повернулся и внимательно посмотрел на лацийца.

Корвин занял ближайший столик и принялся разворачивать салфетку.

Мужчина поднялся и двинулся к нему. Остановился, одной рукой уперся в стол, другой – в спинку плетеного стула.

– Вы заказали маисоль? – спросил с вызовом. Голос у него был сиплый, простуженный.

– Вы имеете что-нибудь против маисоли? – Марк пожал плечами. – Ее выращивают на Колеснице Фаэтона.

– Я знаю, – в голосе мужчины прозвучала угроза. Юноша только сейчас сообразил, что мужчина говорит с акцентом. И это акцент – Колесницы. Корвину стало не по себе. На всякий случай он нащупал под майкой парализатор.

Как раз в этот момент вернулась Верджи с подносом. На

нем – два стакана с соком, две тарелочки с салатом и блюдец с оливками. Скучная добыча! Видимо, она еще не успела изучить меню и примчалась на помощь.

– В чем дело!? – она грохнула поднос на стол и повернулась к незнакомцу. – Что вам нужно? – голос ее гневно зазвенел. Гид-телохранитель готов был всегда и всюду защищать своего клиента.

– Этот человек с Колесницы! – закричал мужчина. На виске его забились в бешеном ритме жилка. Глаза сделались круглыми, сумасшедшими.

– Он – лациец! – заявила Верджи. – Патриций с Лация. – Особое ударение на слове “патриций”.

– Идиотка! Он – с Колесницы! У него акцент колесничего! – просипел незнакомец и потянул руку под широкую рубаху.

Похоже, у него был при себе парализатор. Марк не стал медлить и выяснять, так или нет. И действий своей спутницы тоже не стал ждать. Он просто ударил незнакомца кулаком в лицо. Тот грохнулся, разметая столы и стулья, и остался лежать неподвижно. Корвин добавил – ногой в живот. Теперь уж точно этот псих не поднимется.

– Я двенадцать лет прожил на Колеснице. Рабом! Я – патриций Лация!

Он выбежал на улицу. Каждый шаг после вчерашнего заплыва отдавался в ногах чудовищной болью. Ноги пылали от боли.

Верджи догнала его у перекрестка. Он услышал ее шаги, но не обернулся.

– Марк, прости! – выдохнула она ему в спину.

Корвин резко повернулся:

– Ты притащила меня в эту дыру, где толком-то и поесть нельзя! И в результате...

– Марк! – Девушка умоляюще сложила руки. – Каюсь. Это не самый лучший ресторан. Но вполне приличный. Я только хотела, чтобы нам никто не мешал спокойно пообедать. Здесь нет этих суетливых туристов, наших гидов и личностей вроде Ири. Только и всего. Кто же мог подумать, что этот тип к нам привяжется?

Корвин смягчился. В конце концов, может быть, она просто искала безопасное место после покушения?

– Это – единственное заведение в данном районе? – улыбнулся Марк.

Девушка обрадовалась этой улыбке, как будто получила в подарок дорогое ожерелье.

– Тут полно ресторанов и кафе. Но теперь я ни на чем не буду настаивать. Выбирай сам.

Марк огляделся. И указал на ближайшую вывеску:

– Вот этот. “Ученик Апиция”.

– Отлично! Путь будет, “Ученик Апиция”.

– Хорошее заведение? Ты здесь была?

– Без шика. Но кормят вполне прилично.

Верджи оказалась права: в этом ресторанчике кормили прилично.

К тому же Мак смог заказать жареную маисоль. Кто бы мог подумать, что после двенадцати лет работы на уборке этой чертовой маисоли он будет мечтать отведать жареный на огне початок.

– Не могу понять, почему тот парень набросился на меня? – спросил Марк у своей спутницы. – Неужели только потому, что я заказал маисоль?

– Видимо, – кивнула Верджи.

– Он псих?

– Не думаю. Здесь, на Островах немало изгнанников с Колесницы.

– Они были там в рабстве? – На десерт Корвин заказал шарлотку с яблоками и теперь съел целых два куска.

Девушка была куда более сдержана в еде.

– Нет. Рабы крайне редко бегут с Колесницы. Только подлинные личности могут пересилить управляющий чип и сломать ошейник.

– Что? – едва слышно переспросил Корвин. Но потом решил не уточнять, как именно освободился из рабства он.

– Здесь на Островах живут колесничие, – продолжала Верджи. – Свободные. Но свою бывшую планету они нена-

видят. Когда ты заговорил, этот человек принял тебя за туриста-колесничего. И полез в драку.

– Он полез за парализатором, – уточнил Марк. – Но разве обычных туристов с Колесницы здесь мало?

– Не слишком много. Хочешь заглянуть ко мне? – вдруг предложила девушка.

– Зачем?

“Дурацкий вопрос”, – напомнил о себе голос предков.

– Посмотреть, как я живу, – ответила она просто и почти без тени кокетства.

Верджи жила в довольно приличном квартале, где недорогие квартирki из двух или трех комнат обычно снимали люди немолодые, озабоченные карьерой и не любящие вечеринок. Здесь царила подчеркнуто деловая атмосфера и какая-то неестественная для города, почти библиотечная тишина. Даже разговаривали жильцы, понизив голос, хотя в квартирах была отличная звукоизоляция. Однако многие обитатели квартала в эти вечерние часы выходили отдохнуть на балкон или поднимались на крышу. Им не мешали. Все двигались на цыпочках.

“А если мне захочется похулиганить?” – подумал Корвин.

Неуместная мысль для префекта по особо важным делам, зато вполне естественная для раба, внезапно обретшего свободу. Заорать во весь голос там, где орать не принято.

Квартирка на последнем этаже, к которой полагался законный кусочек крыши с плетеными креслами, цветами в

горшках и видом на черепичное море крыш. Гость и хозяйка устроились в этом крошечном садике.

– Хочешь что-нибудь выпить? – спросила Верджи.

– Кофе.

– Может быть, хереса? У меня есть херес. Я, правда, не знаю, уместно ли его пить после обеда, но ничего другого нет.

Гость согласился на бокал хереса. На него вдруг накатило странное умиротворение. Какая удивительная планета! Здесь все рядом: безудержное веселье – и строгий, почти монастырский покой. Не верится, что на Островах Блаженных случаются преступления.

– Расскажи о себе, – попросил Марк.

– Что именно?

– Что хочешь. На твой выбор, – предложил Корвин.

– Из детства? – Нет, ей явно не хотелось говорить о своей нежной поре.

– Рассказывай, что хочешь.

– Ну... тогда слушай: несколько лет назад приснился мне такой странный сон: будто живу на Старой Земле в Москве во время нашествия Наполеона. Я в длинном белом платье с короткими рукавами, выхватываю из книжного шкафа книги, подбегаю к окну и выбрасываю их в окно. А дом уже горит. Пламя охватило лестницу и рвется в комнату. Дом деревянный, огонь трещит, пожирая сухие бревна. “Бегите, барышня!” – кричат мне снизу. Но я уже не могу бежать. Путь

отрезан. Можно прыгнуть в окно. Но страшно. Просто не могу – и все. Ужас приковывает меня к подоконнику. Стою на этой белой крашеной доске, как на эшафоте, и смотрю вниз. “Прыгайте! Барышня, прыгайте!” – рыдают внизу дворовые. А я не могу пошевелиться. И вдруг в комнату из оранжевого огня, что рвется в комнату, врывается французский офицер. Ткань мундира горит, но он, кажется, не замечает этого. Кидается ко мне, подхватывает на руки, и мы вместе рушимся из окна. Внизу дворник обливает меня и моего спасителя из ведра водой. То ли спасает от смерти, то ли крестит. Мой спаситель так сильно обгорел, что не может подняться. Стараюсь не смотреть на его мундир. Стою на коленях рядом с ним. Спрашиваю: “Как тебя зовут?” и он отвечает “Арман...” Арман! – кричу я. И в этом месте я проснулась. Станный сон, правда?

– Ты не пробовала сочинять сценарии для виджев? – спросил Марк, улыбаясь. – У тебя бы получилось.

– Это не выдумка, – покачала головой девушка. – Это было на самом деле. Я узнала точно.

– Правда? И что же было дальше с тобой и с этим Арманом? То есть не с тобой, а с той девушкой.

– Не скажу.

– Не знаешь?

– Знаю. Но не хочу говорить.

– Я сгораю от любопытства. – Марк несколько не лгал. Эта странная история не казалась ему выдумкой. У него было

чутье на подобные вещи.

– Это грустная история, – уточнила Верджи.

– Но они встретились еще? – Ему очень хотелось, чтобы они встретились.

– Конечно. Она помчалась за отступающей Великой армией и нагнала своего любимого Армана у Березины.

– А дальше? – Корвин затаил дыхание. Ему показалось, что от ответа Верджи будет зависеть его собственная жизнь.

– Они обвенчались, – сказала девушка.

– Это правда? Не выдумка? – Марк рассмеялся. – Но это же... замечательно.

– Ты так думаешь? – Верджи грустно улыбнулась. – Но ведь потом было Ватерлоо.

Ватерлоо. Человеку, который провел на Колеснице Фаэтона двенадцать лет, нет нужды объяснять, что означает это слово.

– Как жить после Ватерлоо?

– На Святой Елене вспоминать блестящие победы прошлого, – предложил Корвин.

– А если ты – не император, ты очень молод и у тебя было только Ватерлоо? – внезапно с жаром заговорила девушка.

– То есть – если Ватерлоо и Святая Елена – это начало?

Марк задумался. В принципе, он так и начал свою жизнь. Был захват Колесницей колонии на Вер-ри-а, двенадцать лет рабства и, наконец, освобождение.

– Тогда стоит особенно ценить годы после освобожде-

ния, – сказал патриций. – Разве может быть что-нибудь дороже свободы?

– Те, кого мы потеряли. – Произнося эти слова, Верджи низко склонила голову, чтобы собеседник не видел ее лица. Похоже, это вошло у нее в привычку – низко опускать голову и прятать взгляд.

– Если ты помнишь чужую судьбу, то, значит... ты родилась на Лации? – спросил Корвин.

– Нет, Марк. Ну, что ты! Я – не бессмертная, как ты.

– Бессмертная?

– Ну да. Патриции Лация бессмертны. Разве не так?

– Мы умираем, как все, – напомнил Корвин. – «Никто не может избежать смерти». ⁽³⁾ Цицерон.

– Гибель смертной оболочки гарантирована всем. Границу должен миновать каждый. Но только вы имеете возможность продолжить путь. Патриции не ценят свой дар. Вы – как древние боги. Иногда заключаете союзы друг с другом. Иногда дарите свою милость смертным.

За этими словами должен был последовать поцелуй. И он последовал.

– Я только твой гид... – напомнила Верджи.

– Конечно, – подтвердил Марк между поцелуями.

В этот миг в дверь кто-то ударил изо всей силы.

³ Гибеллины – в средневековой раздробленной Италии сторонники Императора Священной Римской Империи в отличие от гвельфов (сторонников папства). На гедонистической планете Нерония гибеллины – приближенные императора.

– Верджи! – раздался мужской голос. – Ты дома?

Корвин застыл, сжимая девушку в объятиях.

– Пусти! – прошептала она и попробовала освободиться.

– Это твой муж? – также шепотом спросил Корвин.

– Нет! – раздалось яростное шипение. – Это мой босс.

– Я его выставлю! – пообещал патриций.

И, оттолкнув Верджи, бросился вон из садика на крыше, миновал комнаты, и помчался вниз по лестнице...

Нет, сбежать он не успел. Синяя аура выстрела из парализатора окутала его тело, ноги заплелись, Марк въехал головой в дверь и потерял сознание.

Но прежде чем провалиться в черноту, он расслышал голос Верджи – смутно и как будто издалека.

– Ты – идиот, Канар! – выкрикнула девушка.

А следом – звонкий звук пощечины.

Глава 3

Рынок “Изобилие”

Это утро началось точно также как и предыдущее: Корвина разбудил стук в дверь. Стук отозвался невыносимой болью в голове. Чтоб этот мерзавец провалился в Тартар! Чтоб его сжег Флегетон! Чтоб... Марк попробовал перевернуться и накрыть голову подушкой. Вместо подушки попался пузырь со льдом. Вернее, льда там уже не было – внутри плескалась вода. Корвин швырнул пузырь в сторону двери. Не добросил. Поднялся и пошел открывать.

Только в этот раз с утра пораньше его посетила не Верджи. На пороге стоял префект Главк.

Поначалу Марк моргнул в надежде, что Главк ему привиделся, потом ему захотелось заорать “нет” и двинуть префекту кулаком в лицо. Ведь Корвин здесь на отдыхе, а префект Главк должен оставаться на Лации и вести вместе с Суллой все важные уголовные дела. Или Главк тоже решил отдохнуть и составить Марку компанию? Корвин предпочел бы кого-нибудь другого в качестве компаньона. Честное слово!

– Привет, Марк! – Главк ухватил юного следователя за локоть, как будто в самом деле опасался, что тот сбежит. – Судя по твоему виду, ты, парень, не теряешь времени даром.

– Ну что еще? – спросил не слишком любезно Корвин.

Он шагнул к зеркалу и с изумлением обнаружил на лбу

огромную багровую шишку.

– Кто тебя так приложил? – спросил Главк.

– Мой гид.

Корвин помнил, что вечером домой его привезла машина отеля, и наверх в номер ему помогали добраться два парня в форме отеля. Но руководила всем этим действием Верджи. Именно она уложила Марка в постель и принесла пузырь со льдом.

– Так можно одним ударом вышибить из головы всю патрицианскую память, – предрек Главк.

– Э, нет, у меня крепкий котелок!

– Надень мундир, совершенный муж, – посоветовал Главк. – Прилетать на место преступления в шортах даже на Островах Блаженных не принято.

– Место преступления?

Ах да! Позавчерашний взрыв в аквапарке. Получается, что Марку придется расследовать покушение на собственную особу, хотя он бы предпочел, чтобы этим делом занялся кто-то другой. Но так и быть ради собственной безопасности он разберется с этой троицей из лифта.

– Я не взял с собой мундир. У меня есть только шорты, свободные блузы и белый смокинг для вечерних приемов. Три пары плавок. Может быть, смокинг?

Главк протянул префекту по особо важным делам пакет с одеждой.

– Одевайся.

– А перекусить ты прихватил с собой? – Корвин с надеждой посмотрел на второй пакет Главка, правда, куда менее объемистый.

– Литр сока и пару булочек.

– И только? Я бы съел что-нибудь более существенное. Давай, закажем еду в номер. Позавтракаем вместе. Лососина, креветки, мидии. Ты не против креветок с утра? Преступники от нас не убегут.

– Мы летим на рынок. Можешь там чем-то перекусить.

– На рынок? – Марк уже протянувший руку к комустройству отеля, замер. – Разве? Но почему не в аквапарк?

– Тем делом занимаются другие.

– Не понимаю. О чем ты говоришь? Что стряслось? Кстати, ты, может быть, не слышал – меня позавчера пытались убить. – Корвин вдруг почувствовал какую-то детскую обиду на весь мир. Почему ему не дают развлекаться? Может он хоть раз в жизни как следует отдохнуть?! За все восемнадцать лет – восемнадцать коротеньких дней!

– Про твои приключения я слышал. Идем, я вкратце опишу ситуацию по дороге.

– Я собирался отправиться в аквапарк и выяснить, кто из копов хотел меня прикончить. Или про это ты тоже знаешь? Один из полицейских швырнул в меня гранату. К счастью, она не взорвалась, потому что коп забыл нажать на взрыватель. Моя спутница ее ловко поймала. Служители порядка, разумеется, все отрицают!

- Тебя приняли за бандита. Обычная некомпетентность колониальной полиции, – тут же ответил Главк.
- И ты сам в это веришь?
- Процентом на двадцать.
- А я не верю и на сотую долю процента. Мне сказали, что не было никакой гранаты! Ладно, едем, – неожиданно уступил Марк. Потому что понял, что ради обычной мокрухи Главк не стал бы прилетать с Лация на Острова Блаженных. – Но неужели дело на рынке важнее покушения на патрицию Лация?
- Ты скоро сам оценишь степень его важности.
- погоди! Я должен звякнуть Верджи.
- Верджи? Кто такой? – насторожился Главк.
- Мой гид.
- Это он тебя разукрасил?
- Не он, а она. Придется сообщить моему очаровательно-му гиду, что сегодня утром я в ее услугах не нуждаюсь.
- Боюсь, и вечером – тоже, – усмехнулся Главк. – После того как она наградила тебя этой шишкой.
- Она спасла мне жизнь, так что я могу простить ей один синяк. Но только один. – Корвин еще надеялся, что сможет распутать это убийство на рынке за пару часов, а вечером позабыть обо всех делах и отправиться в Пирамиду.

– Объясни, наконец, в чем дело? – спросил Корвин, когда они вошли в лифт. – Мы же договорились: меня оставят на несколько дней в покое.

– Скажу кратко: убийство.

– Ага! И почему я сразу не догадался?! – Марк потер руки, как будто предвкушал самое лучшее развлечение на свете. – И где же место преступления? Ну, конечно! На том самом рынке, куда ты меня так настоятельно зовешь? Я угадал?

– Тело нашли всего в нескольких кварталах отсюда – возле рынка “Изобилие”. На площадке для флайеров.

– И что, местные копы не могут распутать это загадочное убийство?

– Это политическое дело, – сказал Главк.

На площадке перед “Жемчужиной” их ожидал двухместный флайер местной полиции: новенькая, выкрашенная светящейся синей и белой краской летучка. Главк уселся на место пилота, флайер бесшумно поднялся в чистое утреннее небо.

Уже когда машина висела в воздухе, Марк увидел на площадке Ири. Девушка в лимонном платье (видимо, этот ядовитый цвет доминировал в гардеробе блондинки) отчаянно махала им рукой и что-то выкрикивала. Но что – он уже не расслышал. Показалось, правда, на миг, что она выкрикива-

ет имя Верджи.

Но в следующую минуту “Жемчужина” осталась позади. Справа мелькнул сахаристый конус пирамиды, и перед нею – две каменные статуи сидящих Рамсесов. Слева проплыло “Палаццо Венеции”, за ним – казино “Париж”. Перед “Парижем”, зданием опять же квадратным, многоэтажным и непропорционально огромным, сверкающим синевой псевдостекол и белым пластиком, возвышалась Эйфелева башня в половину натуральной величины. Рядом с одной из ее лап преданной собачкой примостилась Триумфальная арка. Прямо по курсу горел золотом двухсотэтажный небоскреб, на солнце здание сверкало так, что было больно смотреть. Два потока флайеров огибали золотой параллелепипед с двух сторон.

– Можешь объяснить подробнее, что стряслось на этой планете развлечений? Убийство туриста? Или проститутки? – спросил Марк. – Почему каждое слово надо вытаскивать из тебя клещами?

– Мне бы не хотелось влиять на твое мнение своими версиями, – опять ушел от прямого ответа Главк. – Могу кое-что объяснить в общих чертах. Мы нашли труп в контейнере для продуктов. Мужчина двадцати восьми биологических лет умер насильственной смертью вчера около семнадцати часов по местному времени. Личность установить не удалось.

– Почему?

– Судя по идентификационной личинке под кожей – это гражданин Неронии. Мы связались с посольством и службой иммиграции. По сведениям посольства, да и по нашим тоже, нер с такой личинкой не прилетал на Острова. Ни как иммигрант, ни как турист.

“Вот это да!” – шепнул голос.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Более того, неры очень беспокоились, когда мы им сообщили код. Я велел сравнить его с кодами других неров. И вот что выяснили: личинка сообщает, что перед нами гражданин Неронии, и только. Больше никаких сведений.

“На Неронии полно таких людей. Около десяти процентов населения, – тут же принялся комментировать голос предков. – Аристократы – прежде всего. Плюс еще несколько миллионов убежденных сторонников независимости личности. Они согласны платить своей безопасностью за право ни перед кем не отчитываться. Никого там это не смущает. Потому что неров вообще смутить нельзя. Возможно, этот тип решил сбежать со своей планеты, никого не ставя в известность, и поселиться на Островах Блаженных. Забыл, бедняга, что здесь совсем другие законы. У нас о каждом гражданине известно все. Или почти все. Интересно, почему этого парня убили?”

“Главк что-то не договаривает, что-то очень важное”, – подумал Корвин. И опять удивился подобному поведению

префекта. Но решил не давить на него – по собственному опыту знал, что это бесполезно. Вскоре все должно было решиться.

Еще подлетая к рынку, Марк заметил висящий в воздухе огромный флайер технической службы колониальной полиции. Несколько полицейских скутеров и флайеров сгруппировались на самой стоянке. Три гражданские летучки сиротливо застыли на огромной площадке: в этот час рынок мало кто посещает; на Островах очень поздно ложатся и поздно встают.

Главк посадил машину в пустом секторе и выбрался наружу. Какой отличный день! Теплый, но нежаркий. На небе перистые облачка. И небо само не голубое, а какое-то изумрудное. Губы Марка невольно вновь сложились в улыбку.

* * *

Марк одернул белый мундир с широкой пурпурной полосой на груди, немного помявшийся на плечах во время пребывания в пакете Главка, и направился туда, где плотной группой стояли служители порядка. После позавчерашнего заплыва префект по особо важным делам шел как на протезах, смешно подпрыгивая.

– Убитый там, – Главк догнал Корвина и указал на открытый контейнер.

Трое полицейских стояли на значительном расстоянии от

контейнера, а еще один – в защитном комбинезоне и в маске – обследовал место вокруг страшной находки с помощью “биосканера”. Один из копов держал портативный голопроектор. В воздухе вертелись пять или шесть голограмм.

– “Собачий нос” что-нибудь обнаружил? – поинтересовался Марк.

– Пока не слишком много, – ответил тот из копов, что держал голопроектор.

Марк шагнул ближе к раскрытому контейнеру.

Полицейский в прозрачном балахоне обернулся.

– Назад! – крикнул он. – Ну вот! Вы принесли мне миллион лишних тварей, – прозрачный колпак в ярости был сорван с головы, рыжеватые волосы рассыпались по плечам, и Корвин увидел, что перед ним женщина. – Или вас не учили, как себя вести, когда идет биосканирование? – Она в ярости хлопнула по рукояти сканера, отключая прибор.

– Префект Корвин! – представился Марк.

– А, патриций с Лация! Ну, как же! Вам не нужно делать никаких замеров! Вам папа с бабушкой через две минуты скажут, кто убийца.

– Простите, а вы не желаете представиться? – спросил Корвин.

– Полина, – сообщила женщина в балахоне. – Пойду, переоденусь. Все равно мне здесь больше нечего делать. Вы слили в сортир всю мою работу.

– Вы, Полина, полагаю, эксперт-криминалист? – уточнил

Марк.

– Угадали, умный вы мой.

– Что-нибудь удалось обнаружить? – префект по особо важным делам сделал вид, что не замечает дерзкого тона. Сам он говорил ровно, чуть-чуть снисходительно. Горячность женщины его даже забавляла.

– Да в том-то и дело, что ничего. Все биоотпечатки принадлежат убитому. От посторонних – ни единого чиха. Контейнер простерилизовали перед тем как запихать в него труп. Даже обслуга не наследила. Впрочем, это понятно, здесь прибирались андроиды, а они всегда надевают стерильные перчатки. И все же такая чистота подозрительна. Наверняка убийца обработал чем-то контейнер, прежде чем положить в него труп. Он ожидал, что мы применим биосканеры.

“Наблюдательная дамочка, – отметил про себя Марк. – Но к чему сразу делать выводы? Кто ж теперь не знает про биосканирование? В любом детективе умный следователь непременно его применяет, находит плевок убийцы или его соплю, или каплю пота, упавшую на тело жертвы. Так что более или менее умелый преступник знает, что именно нельзя оставлять рядом с трупом или, напротив, что нужно оставить”.

Вслух же Корвин спросил:

– Когда наступила смерть?

– По предварительным данным – вчера около семнадцати часов по местному времени. Но, возможно, немного раньше.

– А тело обнаружили?..

– Вам что, Главк ничего не сказал?

– Мне хотелось быстрее осмотреть место преступления.

– Ну да, конечно. Явиться и сразу же все угадать! – вот роль патриция. А тут ни хрена не понятно. Тело обнаружил покупатель. Вызвал контейнер, включил кнопку “открыть”. А там внутри сюрприз. Вон тот мужик нашел тело. Он даже выблевал свой завтрак, бедолага! – Полина указала на парня в просторной пестрой рубаше и синих бриджах. – Хорошо, что отошел в сторону, а то бы испортил мне всю работу прежде вас.

Свидетеля о чем-то расспрашивал полицейский в форме местного подразделения, делая записи на пентаценовой планшете.

– Проверили, что за человек его нашел? – повернулся Корвин к Главку.

– Местный. Работает официантом в ресторане. Зовут Джошуа Рик, – префект, державшийся до этого в стороне, приблизился.

– Карманы убитого обыскали? – Марк задавал вопросы почти наугад. Он знал, что самое важное ему еще не сообщали.

– Они пусты. Этого человека ограбили перед тем как запихать в контейнер.

– Или просто уничтожили все улики, – предположил Корвин.

– Такое тоже возможно, – согласился Главк.

– Уже изъяли записи наблюдения, сделанные камерами на стоянке?

– Все записи, начиная со вчерашнего полдня.

“Главк мог бы сообщить мне все подробности по дороге, – рассудил Корвин. – А не сделал он этого потому, что все эти факты не важны. А важным является совсем другое”.

– Ладно, хватит! – Корвин неожиданно повысил голос так, что в его сторону все повернулись. – Что я должен узнать, прежде всего, но что ты упорно не желаешь мне сказать? То, ради чего ты вытащил меня из отеля и испортил весь отдых. Ну!

На площадке воцарилась тишина. Полина, складывавшая свои инструменты в ящик, повернулась и посмотрела на Марка. Ему показалось даже, что с некоторым удивлением.

– У этого человека на плече кожная голограмма. Кинжал и змеи, – сказала Полина. – Знаете, кто себе делает на коже такие знаки?

“О, нет! – мысленно воскликнул патриций. – Наемный убийца Неронии. Браво! Только не это!”

Убийство браво. Это дело пахнет политическим скандалом. Будем надеяться, что посольству Неронии ничего не известно. Хотя нет, они уже знают идентификационный код. Они встревожились. Мерд! Кто-то затеял большую игру.

– Мне нужны все записи, которые сохранились. Все! – голос Корвина сделался ледяным. – Возможно, убитый или убийца бывали здесь раньше, и нам что-то удастся обнару-

жить, — он огляделся.

Обычно хозяева рынков устанавливают в торговых залах камеры кругового обзора. Но стоянки не слишком балуют вниманием: зачем следить за тем, как покупатели трамбуют в багажники многочисленные покупки. Данный рынок не был исключением: камеры имелись только по углам стоянки. Со всем не трудно припарковать флайер так, чтобы на записи нельзя было разглядеть, что загружают в багажник, или, наоборот, выгружают из машины.

— И еще... — Марк на миг задумался.

“Покупатели”, — шепнул голос предков.

Мог бы не шептать: Корвин и сам догадался.

— Список всех посетителей. Всех, побывавших вчера на рынке, скажем так, с пятнадцати часов вчерашнего дня и до сегодняшнего утра.

— Но это же тысячи людей, — заметила Полина.

— Мне все равно. Список покупателей. Впрочем, не всех. Только тех, кто брал не более десяти вещей. И среди них обязательно — стерилизатор. Или жидкость для стерилизатора.

Только теперь Корвин посмотрел на убитого. Ничего себе! Перед ним лежал тот самый крепыш из аквапарка! Парень не погиб в кабине лифта, хотя все видели объятую огнем кабину, которая падала вниз. Никто не заметил, как парень оттуда выпрыгнул. БравО мог воспользоваться векторным переносом, как Верджи сделала это, спасая своего клиента. Надо срочно выяснить, что такое векторный перенос и

как возможна нуль-транспортировка на планете. Друг, помнится, утверждал, что нуль-портал на планете работать не может. А он неплохо разбирается в технике.

Ладно, о теории нуль-переходов поговорим потом. Сначала дела конкретные.

Корвин внимательно оглядел тело погибшего. Среднего роста, могучего телосложения, широкоплечий. Со светлыми, коротко стриженными выющимися волосами. Одет в рубашку с короткими рукавами и шорты. На ногах – башмаки с толстыми подметками. Убили из бластера. Два выстрела – в грудь и в голову.

– Узнал? – спросил Главк. – Ты его уже видел? Так?

– Этот человек пытался меня убить в аквапарке. Но я думал, – и не я один, – что он погиб. Кабину лифта, в которой он спускался, сожгли плазменным зарядом. И вот он здесь, то есть опять-таки труп, но без всяких следов ожогов. Выходит, что на другой день после покушения на меня уже ближе к вечеру киллера застрелили, труп привезли на стоянку рынка и оставили в контейнере для покупок.

– Это осложняет дело, – только и сказал Главк.

– А, может быть, наоборот, облегчает. Я могу расследовать покушение на собственную особу одновременно с убийством нера. Итак, что мы имеем? – принялся рассуждать вслух Корвин. – Тот, кто привез тело, должен был взять контейнер, отправиться с ним в торговый зал, что-то наспех купить, выехать из зала, вынуть покупку и затолкать в контей-

нер труп. Его флайер стоял при этом в седьмом или четырнадцатом секторе – они хуже всего просматриваются.

– Мы двигаемся в нужном направлении, – сказал Главк. Но в его голосе слышалось явное разочарование. Корвин говорил очевидные вещи. От генетического сыщика требовалось большее.

– Мы примерно знаем сектор, знаем, что покупатель купил всего несколько вещей. Он торопился, и побывал здесь, скорее всего, ночью, когда людей на рынке мало. Вряд ли ранним утром, потому что тогда посетителей практически нет. Убийца наверняка боялся, что его запомнят.

– Чип контейнера сломан, – сообщил один из полицейских. – Реагирует только на команды “заккрыть” и “открыть”, все время сообщает, что контейнер пуст.

“Специальная программа”, – подсказал голос.

– Специальная программа. Ее можно найти в галанете, – заметил Марк. К этой уловке прибегали еще во времена его отца. Но кое с какими преступными новинками юный префект успел познакомиться лично.

– Вот распечатка, – полицейский протянул Корвину бумажную страницу. Для префекта по особо важным делам распечатали весь список покупателей на одной странице, всего около сотни имен. Отлично!

Марк положил бумагу прямо на мостовую, разгладил ладонями. Начал просматривать. Взгляд его скользил по графе покупок.

“Вот!” – выкрикнул голос.

Корвин ткнул пальцем в нужную строку.

Куплено всего три вещи: салфетки, стерилизатор и герметик. Одно это уже бросало тень подозрения на покупателя. Но и само его имя было замечательное. Покупатель – Грация Фабия. Она расплатилась картой. Да и как еще она могла оплатить покупки? Электронными купюрами? Это вызвало бы подозрение в таком месте как “Изобилие”.

Итак, Грация Фабия. Дочь сенатора Фабия, патрицианка и наследница знаменитого рода? Скорее всего, она. В списке покупателей не указано, кто тратил кредиты на рынке – патриций или плебей. Номер карты и имя. Что делает на Островах Блаженных Фабия? Да то же, что и все – отдыхает, развлекается. Или нет? Разве может патриций развлекаться просто так?

Корвин поморщился: меньше всего ему хотелось иметь дело с Фабиями. После того как старший брат Грации едва не прикончил Марка, Лери и Друза, вражда между старинными семействами сделалась почти открытой. Правда, после покушения плебейской секты на патрицианские роды Лация Фабии больше не пытались нападать на семейство Корвинов. Но на доброе отношение Фабиев Корвин вряд ли мог рассчитывать. Они наверняка обвинят следователя в предвзятости.

Ладно, оставим прежние счета, будем расследовать новое дело без оглядки на прошлое, хотя патрицию очень трудно не оглядываться назад. На Лации есть поговорка: “У патрициев

глаза на затылке”.

Итак, продолжим.

Грация оплатила счет в 1.27 по местному времени. Ее флайер припарковался в седьмом секторе.

– Мы можем где-нибудь посмотреть записи на большом голопроекторе? – спросил Корвин. – Прямо здесь, на рынке?

Главк пальцем поманил к себе хозяина “Изобилия”, полноватого мужчину в белой майке с влажными пятнами под мышками и в белых помятых брюках.

– У вас в кабинете есть большой голопроектор?

– Да, конечно, отличный голопроектор. Замечательный. Самый лучший. А когда я смогу открыть торговлю, доминус? – хозяин с тоской посмотрел на Корвина.

– Думаю, через час. Идемте.

– Серьезно? Через час? Благодарю! – засуетился хозяин.

* * *

“Голопроектор у парня не хуже чем в префектуре вигилов на Лации”, – отметил про себя Корвин, осматривая просторный кабинет хозяина рынка, пока вигилы искали нужную капсулу с записями.

Красавица-секретарша принесла чашки с кофе и печенье.

– Приехали репортеры из галанета, – сообщил хозяин. – Что им сказать?

– Выйдите к ним и скажите, будто бы вам по секрету уда-

лось разнюхать, что полиция рассматривает в качестве предварительной версии бытовое убийство, – посоветовал Корвин.

Хозяин накинул поверх несвежей майки мятый белый пиджак и выбежал из кабинета.

“Лучше бы он послал к репортерам свою секретаршу”, – подумал префект.

Наконец полицейский вставил в голопроектор инфашку, на которую запись делалась после полуночи. Программа уже пометила нужную информацию красными кружками. В 1 час 05 минут по местному времени флайер Грации опустился в седьмом секторе. Поставила она свою летучку так, что камера не могла зафиксировать, что же происходит рядом с флайером. Через пару минут Грация появилась на стоянке контейнеров, выбрала ближайший и погнала его в торговый зал. Она очень торопилась. Почти бежала. Одета была... “Небрежно” – подсказал голос предков. Да, небрежно. Свободные светлые брюки, куртка, слишком теплая для ночи на здешнем курорте, где можно разгуливать в легком платье или купальнике в любое время суток. Голова обмотана платком так, чтобы не было видно лица. Но платок сполз на плечи у самых дверей. Мелькнуло красивое бледное лицо с правильными точеными чертами, черные, будто нарисованные брови, полные не накрашенные губы (нижняя чуть выдавалась вперед, что делало красоту Фабии незабываемой, особенной).

Интересный вопрос: в машине кто-то оставался? Или нет? На записи было видно, как в салоне мелькнул свет и тут же погас. Значит, там находился кто-то живой. Труп, скорее всего, в этот момент лежал в багажнике.

“Труп не станет зажигать свет, даже если его усадят в кабине”, – заметил голос предков.

“Очень глубокомысленное замечание!” – огрызнулся Марк.

– Мне нужны все сведения о Грации Фабии, – не оборачиваясь, бросил он Главку.

В 1.27 Фабия вернулась, подогнала контейнер с покупками к багажному отделению флайера. Летучка стояла так, что разглядеть происходящее внутри и возле багажника было невозможно. Время шло. В зоне видимости никто не появлялся. Что в это время делала Грация? Стерилизовала внутренность контейнера? Или перетаскивала труп? Помогал ли ей тот, кто оставался в кабине?

Ничего не понять.

Через несколько минут контейнер сам, согласно заданной программе, покатился к секции складирования. Оттуда его заберут только утром. А флайер поднялся, сделал круг над рынком и улетел.

– Чип ячейки уже был испорчен. Иначе контейнер не поехал бы в секцию складирования, – сказал Марк. – Дайте увеличение. Этот тот самый контейнер? Видно номер?

Картинка запрыгала. Коп, настраивая изображение, пы-

тался получить максимальную резкость.

– Нет, с этой камеры не видно.

– А камеры в торговых залах? Там номер совпадает? – спросил Корвин.

– Да, тот самый контейнер, – через минуту подтвердил полицейский.

– Итак, мы знаем, кто привез на стоянку тело, – подытожил первые результаты расследования префект по особо важным делам. – Но не знаем, кто убил, кого убили, мотив преступления и так далее и так далее... – Он нахмурился: дело оказалось не такое простое. – Скажите хозяину, что он может открывать рынок. Мы все выяснили.

Уже покинув кабинет хозяина, добавил:

– Главк, велите отправить тело на экспертизу, пусть постараются установить все, что можно, малейшие детали. А мы сейчас навестим домну Фабию. О том, что Грация причастна к делу с неизвестным трупом, никому не сообщайте. Если галанетчики разнюхают, отделяйтесь общими замечаниями. И еще. Если посольство Неронии станет интересоваться, с чего это вдруг мы запрашивали данные по иммигрантам с их планеты, отвечайте, что поймали нелегала с... ну, допустим, из системы Цин, который выдавал себя за nera. Про то, что неронец убит, пока не сообщайте. А что убит браво, не говорите даже местным копам.

Насколько известно Марку, неры относятся к браво с почтением и страхом. Они – лица неприкосновенные. Их статус

можно приравнять в статусу прокурора. Хорошо бы, Корвину удалось вычислить имя погибшего раньше, чем это сделает Нерония. Но как убитый браво попал на Острова Блаженных без регистрации? Это была загадка, на которую префект по особо важным делам Корвин не знал ответа.

– Ну что ж, теперь пора навестить Грацию Фабию, – предложил Марк. – Вы знаете, Главк, где она остановилась?

– В “Колизее”, где живут все патриции, – Главк сделал заметную паузу. – Все, кроме вас.

– Стараюсь быть оригинальным, – отозвался Корвин. Уточнять, почему он выбрал другой отель, не стал.

– Я бы на вашем месте перебрался в “Колизей”. Хотя это, конечно, не мое дело.

– Мы можем получить ордер на обыск номера Грации?

– Ордер получить мы можем. Но в этом случае придется подключить местное начальство. Репортеры тут же разнюхают, что патрицианка замешана в уголовном деле. Лучше попробуем поговорить по душам. Надеюсь, Грация согласится нам помочь.

– Надеюсь, она будет с нами хотя бы вежлива, – усмехнулся Марк. – Особенно со мной.

– Когда патриции кончат враждовать друг с другом?! – пожал плечами Главк.

– Когда лишатся своей памяти. И то вряд ли.

– Кстати, совершенный муж, как ты очутился здесь, на Островах Блаженных? Ведь ты, насколько я помню, должен был оставаться на Лации? – спросил Корвин, когда оба префекта вновь оказались в своей летучке. – Или тебя вызвали по поводу этого убийства?.. – Корвин по своей привычке рассуждал вслух. – Нет, не похоже. Ты бы не успел прибыть – труп обнаружили только утром.

– Меня попросила о помощи местная префектура – расследовать убийство профессора Лучано, – отвечал Главк, поднимая флайер в небо.

– Профессор Лучано? Кто он такой? Известная личность? Тогда почему я ничего о нем не слышал?

– Профессор много лет занимался физикой нуль-порталов. Два года назад он покинул Неронию и с тех пор переезжал с планеты на планету. Был убит шесть дней назад в своем номере. Никаких следов, отпечатков, записей камер – ничего, – озвучил официальную версию Главк.

– Что привело профессора на Острова Блаженных?

– Он должен был с кем-то встретиться. Но с кем – мне не сообщили. Во всяком случае, пока. Никаких записей не осталось. Персонал отеля, где жил профессор, хранит молчание. Таков здешний принцип: безопасностью клиентов занимается служба отеля. Но если клиенту не повезло, как в

данном случае, служители ничего никому не говорят, стоят друг за дружку горой и уничтожают улики.

– Выходит, Лучано настолько значительная персона, что тебя вызвали с Лация? – в голосе сыщика послышалось недоверие.

– Видимо.

– Если этот Лучано удрал с Неронии, то логично предположить, что именно за ним прислали незадачливого браво. Того, чье тело мы нашли в контейнере. Не так ли? – продолжал рассуждать Марк.

– Простая версия.

– Не значит, что ложная. Вопрос в другом: почему посланный киллер заодно решил прикончить меня, а потом некто «икс» убил его. Может быть, браво спятил, как сломавшийся андроид, и его решили убрать, а труп выбросили?

– Признаюсь, мне практически ничего неизвестно о гильдии браво, – сказал Главк. – Как, впрочем, и большинству жителей Лация и его колоний. Чужая реконструкция – потемки.

– Может быть, обратиться за разъяснениями к хозяину “Палаццо Венеция”? Кажется, владелец этой поддельной Венеции – выходец с Неронии, – предложил Корвин.

– Если не найдем источника информации получше – так и сделаем.

– Главк, ведь ты работал с моим отцом? – неожиданно спросил Корвин.

– Да, однажды я принимал участие в одном расследовании, – Главк стиснул зубы. – И уж если ты начал этот разговор, то скажу вот что: твой отец вел дела не так, как ты.

Сказано это было резко и почти презрительно. Корвин от таких слов растерялся. Он уже привык всегда и всюду добавиться успеха и слышать восхищенные возгласы. Резкость Главка его обескуражила.

– Ну, у каждого своя манера, хотя память на всех одна, – постарался отшутиться Марк.

Показывать, что слова плебея его уязвили, для патриция недопустимо.

* * *

Отель “Колизей” снаружи копировал знаменитый амфитеатр на Старой Земле, только был раза в три больше. И в три раза выше прототипа был Золотой колосс на площади перед отелем. Казалось, что увенчанная острозубой короной сверкающая голова колосса достает до перистых облаков. Мраморный фонтан у входа мог соперничать со знаменитой Ниагарой Старой Земли.

Похоже, что на этой планете вошло в обычай нарушать пропорции: Колизей слишком велик, Эйфелева башня и Триумфальная арка, напротив, малы. Пальмы – то высокие, тонконогие, то приземистые, с громадными шапками спутанной листвы, а то и вовсе карликовые, не выше полуметра.

Во всем этом виделся неприкрытый стеб, прозрачный намек, что вокруг нет ничего настоящего, истинного, все фальшивое, повсюду игра, и цель у всех на планете одна – жажда развлечений.

Только одна Пирамида, кажется, натуральной величины, то есть равна по размерам пирамиде Хеопса. Но вряд ли при этом ее можно принять за настоящую.

– Что в центре Колизея? – поинтересовался юный патриций. – Арена и бои гладиаторов?

– Место досуга, – невозмутимо отвечал Главк. – Магазины, бассейны, казино. Непрерывный шопинг. Впрочем, поединки тоже есть. Дерутся в специальном зале профессионалы. Удары красивые. Много искусственной крови. Марк! – Главк замялся, глянул исподлобья (виновато, растеряно?) и тут же отвел взгляд. – Учти, мы расследуем дело чрезвычайной важности.

– Я так и понял.

Они поднялись на второй ярус. Повсюду было полно слепящей глаз позолоты и белого, как сахар, мрамора. На просторной галерее рядом выстроились автоматы по продаже сувениров, неспешно прогуливались отдыхающие, наполняя объемистые пакеты безделками.

Корвин постучал в номер Грации.

Дверь тотчас же распахнулась.

– Наконец-то! – на пороге возникла девушка лет восемнадцати в белом махровом халате с эмблемой отеля, она выти-

рала влажные темные волосы полотенцем.

Ясно было, что ждала она кого-то другого. Увидев Корвина и Главка, девушка растерялась в первый миг. Но тут же взяла себя в руки.

– В чем дело, Главк, чем обязана этому визиту? – Грация изо всех сил старалась казаться недоступной и надменной.

Но Марк заметил, что у нее покраснели глаза: она только что плакала и не успела закапать лекарство, чтобы краснота исчезла.

– Это префект Корвин, – сказал Главк, хотя Грация наверняка должна была его помнить – они виделись на похоронах ее двоюродного брата, несостоявшегося наследника рода Фабиев. Впрочем, в такие моменты лица не запоминаются.

С другой стороны, не имело значения – узнала Грация Корвина или нет. Ей не нужно было объяснять, кто он такой.

– Префект Корвин, надеюсь, не рассчитывает услышать от меня, что я рада его видеть? – сухо спросила Грация и окинула префекта по особо важным делам неприязненным взглядом. – Я плохо себя чувствую, целый день спала, – попыталась соврать не слишком умело.

– Разрешите войти? – не дожидаясь согласия, Корвин отстранил девушку и прошел в номер.

Главк последовал за ним. Марк огляделся. Судя по беспорядку в номере, девушка собиралась уезжать и спешно укладывала вещи. Корвин заметил брошенное на кровать изумрудного оттенка вечернее платье. Красивое платье. Оно на-

верняка должно было идти Грации. Рядом валялись мокрое полотенце с эмблемой отеля и белая рубашка. Мужская.

Корвин хотел взять ее. Но Грация опередила. Налетела коршуном и буквально вырвала из рук. Корвин заметил на рубашке несколько темных пятен. Не кровь – что-то другое. Но что именно – он разглядеть не успел.

– Кого ждали, если не секрет? – Марк пожалел, что у них нет ордера на обыск.

– Моего друга, Гая Гостилия.

– Патрицианка принимает в своем номере друга? – он постарался изобразить недоумение.

– Не вам меня судить, Марк Валерий Корвин! Ваша сестра встречалась со своим центурионом до свадьбы! – ответила Грация ударом на удар.

– И вышла за него замуж. Вы тоже собираетесь замуж за Гостилия?

Грация залилась краской. Глаза ее вспыхнули.

– Возможно. Вы же знаете: род Фабиев по мужской линии пресекался. Кто-то из плебеев унаследует теперь наше имя и место в сенате. Так что не все равно – кто?!

– Зачем вы спрятали труп? – неожиданно спросил Корвин.

– К-какой труп? Вы о чем? Хватит говорить чепуху! В конце концов, что вам нужно? – Она даже попыталась изобразить возмущение.

– Как я сказал, у нас к вам один вопрос. – Марк сделал

вид, что не заметил вспышки ее гнева. – На складе рынка мы обнаружили труп неизвестного, и у нас есть данные, что убитого подкинули на склад именно вы, домна Грация.

– Что за бред? – Девушка окинула молодого следователя презрительным взглядом. – Я кого-то убила? Зачем?! Как вам в голову пришло обвинить меня в чем-то подобном? Или вы хотите погубить теперь и меня, как уничтожили моего брата?!

– Ни в коей мере. – Патриций слегка поклонился. – Я только хотел выяснить, почему вы, домна Грация, перевезли тело на рынок.

– Без адвоката я не стану отвечать на ваши вопросы, – заявила Грация.

Марк покачал головой:

– Домна Грация, вы пока – только свидетель. И это дело не получит огласки, если вы мне поможете. Поверьте, лично я не собираюсь причинять вам боль.

Грация смешалась, но тут же взяла себя в руки.

– Нам не о чем говорить, префект Корвин, – отрезала Грация. – Занимайтесь вашим делом, а я буду отдыхать, раз уж оказалась на Островах Блаженных.

– Вы уже объявили о помолвке с Гостилием?

– Зачем вам это? – насторожилась Фабия.

– Хотелось бы поздравить.

Марк вытащил из кармана наладонный компьютер, вызвал голограмму убитого.

– Вам знаком этот человек?

Грация мельком глянула на изображение и тут же отвела взгляд:

– Это труп?

– Именно. Судя по дырке в голове. И по второму отверстию в груди. Так вы знаете его?

– Нет.

– Видели прежде?

– Это допрос? Если так, повторяю: вызовите меня в префектуру, я буду отвечать в присутствии адвоката.

– Вы чего-то опасаетесь?

– Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы! – Гнев оченьшел старшей дочери сенатора Фабия: на щеках вспыхнул румянец, глаза так и пылали. – Извольте покинуть этот номер, префект Корвин.

– Послушайте, Грация! Если вы думаете, что вам удастся отвертеться с помощью примитивных уловок...

– Покиньте номер! – повторила Грация ледяным тоном.

– Вам сегодня же пришлют вызов к следователю. А следователем буду я.

– Вы не имеете право покидать Острова Блаженных без разрешения полиции, – вмешался в разговор молчавший до этого времени Главк.

– Я и не собираюсь никуда уезжать, – соврала Грация. – Я отдыхаю. А вы мне мешаете!

– Что ты думаешь по поводу нашей патрицианки? – спросил Марк у своего спутника, когда Грация захлопнула за ними дверь.

– Она замешана в этом деле. Но в какой степени – сказать не могу, – отозвался тот. – Не исключаю, что она убила этого человека лично. И почти наверняка – помогала убийце спрятать труп.

– Мы не можем сказать главного: что это за дело, – уточнил Корвин. – Куда теперь?

– В префектуру колониальной полиции. Там мне выделили отдельный кабинет, – похвастался Главк. – Обычно местная служба порядка не занимается серьезными делами. Их компетенция – драки в отелях и жулики, что обманывают богатых туристов. Ты бы видел, как они обрадовались, когда я откликнулся на их призыв о помощи.

Главк не преувеличивал: полицейские Островов относились к прибывшим с Лация сущикам с подчеркнутой вежливостью. Едва Корвин и Главк прибыли в префектуру, как тут же явились два молодых копа и заявили, что полностью поступают в распоряжение лацийцев. Одного звали Вацлавом, другого – Адрианом.

– Камеры наружного наблюдения что-нибудь зафиксировали по соседству с рынком? – поинтересовался Марк. – Или

вы еще не просмотрели записи?

– Уже все проверили! – отрапортовал Вацлав. Выправкой и манерами он походил на аристократа-военного, но не настоящего, а из виджа. – Ничего конкретного. Полеты флайеров. И только.

– А камеры наблюдения вокруг отеля “Колизей”?

– Они отключились вскоре после полуночи на двадцать минут.

Ну, с этим, кажется, ясно. Именно в это время Грация и ее помощник (возможно, неизвестно откуда взявшийся жених Гостилий) вывезли тело убитого браво из отеля. С пяти часов, когда произошло убийство, и до полуночи они готовили операцию. От отеля они ехали без помех, и только в одном месте опять запись оказалась повреждена. Марк подманил к себе голограмму с изображением участка дороги. Изображение мигнуло, пошло волнами, распалось и собралось вновь.

– Что это могло быть? – спросил Главк.

– Скорее всего, работа военного излучателя. Человек, который вез тело, не хотел, что полиция что-то заметила. Кстати, что говорит наш эксперт-криминалист, наша очаровательная Полина? – поинтересовался Марк.

– Она пока не занималась камерами, – ответил Главк. – По-моему, Полина к тебе не равнодушна.

– О, да, я заметил, – кивнул Корвин. – Ну что ж, тогда займемся телом. Характер ранений убитого? Каково заклю-

чение судмедэксперта?

– Сейчас мы с ней свяжемся, и ты спросишь лично.

– Это тоже дама?

– Родная сестра Полины. Софи.

– Они похожи?

– Внешне – не очень. Но характер такой же сволочной.

Голограмма Софи появилась в кабинете. Молодая женщина, судя по всему, только что закончила вскрытие.

– Можно мне сначала принять душ и переодеться? – спросила она, выслушав требование префекта. – Потом я лично обо всем вам доложу.

– Время не терпит, – перебил ее Марк. – Разумеется, можете заглянуть к нам после душа и выпить кофе, мы с Главком будем рады вашему визиту. Сообщите, что удалось обнаружить.

– Вы не слишком вежливы, совершенный муж.

– Сейчас (как и всегда) у меня очень мало времени, – отрезал Корвин. На самом деле он полагал, что времени нет вообще.

– Ну что ж. Слушайте. Неронеец умер от разряда бластера, угодившего в сердце. Еще один разряд в голову был контрольным. Смертельный разряд пробил предсердие и левый желудочек. Смерть наступила мгновенно. Кроме того, на теле обнаружено еще несколько следов повреждений. Одно, незначительное, на левой руке, убитый получил, скорее всего, за несколько дней до смерти. Второе нанесено уже мерт-

вому – в область шеи, глубокий порез острым предметом, ножом или скальпелем. Имеются еще следы старых ранений – была проведена тщательная регенерация.

– Характер ранения левой руки?

– Ожог.

– И это все?

– Нет.

– Что еще?

– У покойного на руке особый знак. Голограмма кинжала и змеи.

– Да, мы об этом уже знаем. Он – bravo. Наемный убийца. Обычно bravo действуют только на самой Неронии. На другие планеты их практически никогда не посылают. Если этот человек – действительно bravo, то под кожей у него должен быть вшит особый чип, соединенный с мозгом. Перед началом охоты на жертву этот прибор настраивается, и тогда bravo ни за что не упустит добычу. Обреченному ни ускользнуть, ни разжалобить, ни обмануть своего убийцу.

“Что-то не так, что-то совсем не так!” – шептал голос предков.

– Такой прибор был наверняка, но его вырезали из тела убитого, – заявила Софи. – Эта рана на шее осталась после извлечения чипа.

– Прибор нельзя вынуть из тела bravo, иначе киллер умрет.

– Чип извлекли из мертвого тела. Я же сказала: рана на

шее нанесена посмертно. И она, в самом деле, похожа на разрез, сделанный для извлечения крошечного прибора из тела. Да, и еще одно: идентификатор личности вшит совсем недавно – около двух месяцев назад.

– Благодарю вас, Софи. Возможно, ваши сообщения нам очень пригодятся, – Марк выключил связь.

– Так что ты обо всем этом думаешь? – осторожно спросил Главк.

– Ничего хорошего. История слишком невероятная.

– Любое убийство невероятно! – усмехнулся Главк.

– Я не о том. Браво – секретное оружие Неронии. Они не просто убивают – они, как собаки, идут по следу. Они – орудия радикального решения проблем, но проблем внутренних. Кондотьеры, кнехты, наемники, анималы действуют за границами империи неров, но друг друга аристократы Неронии убирают именно с помощью браво. И вдруг – тело профессионального убийцы оказывается найденным на рынке одной из колоний Лация. Спору нет, на Острова Блаженных является отдыхать немало неров. Райский уголок посещают все – даже колесничие прибывают сюда поразвлечься. И вдруг неры прислали на Острова блаженных киллера, пригодного только для внутреннего пользования. Зачем? Чтобы расправиться с Лучано? Ну, я бы принял версию. Но после ликвидации Лучано браво хотел убрать меня! Это похоже на демарш. «Судья-палач Неронии убивает лацийского аристократа», – отличный заголовок для вечерних новостей. Кста-

ти, запроси инфашки из камер наблюдения в аквапарке. Те, что записывали посадку в подъемники накануне покушения. Они должны были засечь нашего красавца с двумя спутниками. На записях видео наверняка можно обнаружить значок – кинжал и змеи. Насколько я помню, парень был в одних плавках.

– Я уже отослал записи эксперту, – сказал Главк. – Чтобы он сравнил изображения убитого браво и записи из аквапарка.

– Смотрю, ты не теряешь времени даром! – одобрительно усмехнулся Марк.

То, что убитый принадлежал к касте браво, осложняло дело. Какого-нибудь законопослушного гражданина Неронии можно было бы проверить без труда: где он сейчас находится, не исчезал ли из поля зрения. Достаточно лацийскому агенту на Неронии порыться в файлах гражданского состояния, чтобы определить – не пропадал ли при таинственных обстоятельствах человек около тридцати лет с таким-то генетическим кодом. Ответ можно получить за пару часов. Но другое дело – браво. О них сведений нет, их коды не фиксируются, идентификаторы личности они меняют чаще, чем одежду.

Есть хоть какая-то зацепка... намек... связь... с чем?

Размышления Корвина прервал вызов комустройства. В этот раз поболтать желал эксперт из лаборатории.

– Все сошлось, совершенный муж! – радостно сообщил

человек в зеленом балахоне. – Мы точно установили, что контейнер, в котором утром обнаружили тело, состыковывался с флайером Грации Фабии. Дело в том, что у новых контейнеров есть определитель номеров флайеров и своя капсула памяти. Грация про это не знала, скорее всего. Чип она вывела из строя, а эту инфашку – нет.

– Отлично! – воскликнул Корвин. – Теперь займись сравнением изображения из аквапарка и голограммы трупа.

– Я уже сравнил, – похвастался эксперт. – С вероятностью девяносто девять процентов можно сказать, что это одно и то же лицо. К тому же отлично виден знак на руке.

– В самом деле, отлично! – подтвердил префект Корвин и отключил связь. – Пока что дело движется! – он радостно потер руки. – Но придется раскопать на Грацию Фабию побольше фактов. Просто так патрицианку не заставить говорить.

– Пару слов, совершенный муж, – обратился к молодому следователю Главк.

– Я тебя слушаю, совершенный муж, – весело ответил Корвин.

– Так, как ты ведешь расследование, никто не действует.

– Разумеется. Я же патриций!

– Я не о том, Марк! Хотя интуиция подсказывает тебе удачные ходы и решения, действуешь ты как дилетант, совершаешь ошибки, которые не сделал бы ни один начинающий сыщик, – строго заметил Главк.

– Например?

– Например, никто не подойдет к телу, пока происходит биосканирование. Это азы.

– И что ты предлагаешь? – Юноша продолжал говорить весело, почти легкомысленно.

– Не знаю. Тебе нужен дельный помощник. Такой, который мог бы указать на подобные просчеты.

– Я не обращаю внимания на мелочи.

– А зря.

– Ладно, оставь наставления на потом. А сейчас необходимо посмотреть, что связывало Грацию и род Фабиев вообще с Неронией. Мне нужны все сведения. Любая информация, которая касается хоть каким-то боком. Иди! Это срочное поручение! – Марк научился мгновенно менять дружеский тон на повелительный.

Главк нахмурился, хотел возразить.

– Иди! – повторил Корвин уже не просто повелительно – надменно. И с сомнением покачал головой, глядя вслед Главку: вряд ли помощник, несмотря на весь свой опыт, сумеет потянуть за нужную ниточку.

“Кстати, а кто этот Гостилий, о котором говорила Фабия?”

Марк потянулся включить комустройство, чтобы найти ответ на заданный самому себе вопрос. Но выполнить задуманное не успел.

В приемной послышался возмущенный мужской голос.

– Мне плевать, что он занят! – кричал мужчина. – Плевать, что не принимает. Я – Гай Гостилий! Слышите! Гай Гостилий!

Дверь распахнулась, и в кабинет префекта по особо важным делам ворвался незнакомец.

– Так вот, совершенный муж, хочу вам заявить, что я не позволю преследовать Грацию! – выкрикнул незванный гость и захлопнул дверь ногой.

Корвин поднялся. Перед ним был крепко сбитый брюнет в просторной блузе и светлых брюках. Выше Марка на целую голову и в два раза шире субтильного префекта в плечах. Гость выглядел воплощением ярости – черные глаза его так и горели, густые брови сошлись на переносице, лицо красное – не понять, то ли загорел он так, то ли побагровел от гнева.

– Рад познакомиться с вами, Гостилий! – префект Корвин постарался улыбнуться как можно любезнее. Любезность – вот спасение, когда нечего сказать.

Гость посмотрел на префекта по особо важным делам без тени приязни и рявкнул:

– Оставьте мою невесту в покое!

– Позвольте узнать, а кто ваша невеста? – поинтересовался префект.

– А то не знаете! Я помолвлен с Грацией Фабией. Через месяц наша свадьба.

Ого! Дело, похоже, запутывается. Почему Грация отрицала помолвку? Может быть, еще ничего не решено? Помолвка в данном случае – вещь очень важная. Поскольку в роду Фабиев не осталось мужчин, перед свадьбой будущий тесть усыновит жениха, и Гостилий перейдет в род Фабиев, унаследовав звание патриция (лишь формально), но вполне официально – все состояние своей жены. Их дети получают генетическую память и ношу патрициев Фабиев.

Гостилий... Кто такой Гостилий? Среди известных плебейских родов это имя не значится.

“Ну что ж, главное – вовремя оказаться рядом с одинокой молодой и несчастной женщиной”, – шепнул голос предков. Память многих поколений – тяжкий груз; накопленный за много лет цинизм порой бывает едким как кислота.

– Мне бы хотелось, чтобы вы были со мной откровенны... – начал Корвин, но гость его перебил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.